

Юрий
Аракчеев

Обязательно
завтра...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Сергеевич Аракчеев

Обязательно завтра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34455457

SelfPub; 2018

Аннотация

Москва, 60-е годы прошлого века. Начинающий писатель получает задание от молодежного журнала – написать проблемный очерк о преступности среди несовершеннолетних. Он посещает детские комнаты милиции, прокуратуры, тюрьмы. По роковому совпадению и в необычных обстоятельствах он влюбляется в молодую женщину, судьба которой сложилась так, что она тоже могла быть героиней его очерка. Неожиданно для себя он оказывается в пучине страстей, где перемешаны понятия совести, любви, красоты, предательства. И вместо очерка начинает писать роман. В оформлении обложки использованы фотоработы автора. Содержит нецензурную брань.

Собирались, как всегда, у меня, в моей обшарпанной келье – одной из семи комнат многолюдной коммунальной квартиры. Мой приятель Антон обещал прийти с Костей и тремя девушками часам к семи. Уже часов в пять я начал готовиться: стирал пыль со шкафа, письменного стола, тумбочки, потом принялся подметать пол.

С утра отгонял от себя мысли о вечере, что-то даже пытался сделать в курсовой работе, над которой сидел с понедельника. Но убираясь и подметая пол, ни о чем другом уже думать не мог. «Ерунда – успокаивал я сам себя, – ну что хорошего может получиться из нашей вечеринки? Неизвестно ведь, кто придет. Да и придут ли девчонки вообще?»

Выбросил мусор в помойное ведро, которое стояло в углу нашей общей коммунальной кухни, вернулся в комнату. Машинально глянул в окно. И увидел, что они уже идут по двору. А я даже не успел переодеться!

Поспешно выхвачена вешалка с костюмом из шкафа, натянута по-быстрому белая рубашка. И в этот момент раздается звонок в передней. Кто-то из соседей открывает дверь квартиры за меня...

Торопясь, завязываю галстук и слышу тяжелые шаги в коридоре за дверью. Первым, конечно же, идет Антон. Большой, уверенный в себе, как всегда, и веселый. Высовываюсь из-за двери, впускаю в комнату Антона одного, прося осталь-

ных подождать в коридоре, пока оденусь. Антон хохочет и оправдывается за слишком ранний приход, а они все ждут там...

Наконец, верхняя пуговица рубашки под галстуком застегнута, надет пиджак. Мгновенный взгляд в зеркало – все нормально. Распахиваю дверь и прошу всех входить.

Все входят, в комнате тотчас становитсялюдно, шумно. Антон знакомит со всеми поочереди, я, как всегда, не запоминаю имен, потому что нужно говорить свое. Помогаю девушкам снять пальто, принимаю шарфики, шапки – на улице март...

Девушки осматриваются и одна за другой подходят к зеркалу старинного бабушкиного трельяжа. А я сажусь на тахту, переводя дух...

В эти первые минуты все три девушки у зеркала кажутся мне удивительно красивыми, от них пахнет свежестью и духами, с ними в комнату входит праздник. Антон, высокий, коротко, современно стриженный, спортивный, чувствует себя, как всегда, хозяином, он что-то говорит громко, хохочет. О Косте я не раз слышал от Антона, но вижу его впервые. Он разочаровывает – невысокий, крепенький, смугловатый блондинчик, тихий какой-то, невзрачный...

А девушки щебечут наперебой, и голоса их звучат, как музыка. Все словно светлеет вокруг, и даже полинявшие и кое-где отставшие от стен обои в комнате становятся как-то приличнее, что ли.

– Олег, вот что! Мы не успели в магазин забежать. Развлеки девчонок пока, а мы с Костей мигом! – весело говорит Антон.

Шумя, топая, задевая то одно, то другое на пути своим мощным телом, Антон выходит, за ним тихо выскальзывает и Костя. Я остаюсь с девушками один. Напрягшись, собравшись внутренне, встаю с тахты, прохаживаюсь зачем-то по комнате, лихорадочно соображая, чем же их развлечь.

Одно имя запомнилось в сумбуре знакомств – Лора. Потому и запомнилось, что она сказала «Лора», а не «Лариса», хотя все звали ее Ларисой.

Теперь, когда после ухода ребят прихожу в себя и осматриваюсь, сразу бросается в глаза, что Лора – это самая эффектная из девушек, можно даже сказать очень красивая: черноволосая, с большими голубыми глазами, вся какая-то яркая, даже резкая на первый взгляд. Но – лишь на первый. Потому что тут же видна в ней и женственность, мягкость... Лорой, кстати, звали первую, отроческую, самую-самую первую мою любовь, девочку одиннадцати лет. Именно Лора, а не Лариса... Это было в Лесной школе, и мучительное, неизжитое чувство осталось на всю жизнь – медленная, тягучая, невыразимо прекрасная пытка, и связанная и как будто почти не связанная с маленькой, живой черноволосой девчушкой. У нее, тоже были темные волосы, но глаза, помнится, карие. А у этой Лоры глаза голубые, яркие. Смотрю на нее, и голова сладко кружится, погружаюсь в блаженное

состояние... Девушки с детства для меня словно существа с других планет – таинственные, чудесные, очень красивые...

Причесываясь у зеркала и осматриваясь, Лора, конечно, замечает и обои, и выщербленный кое-где пол, и старый расшатанный нелепый столик в углу моей комнаты... Бросает быстрый взгляд на меня и приветливо улыбается тут же... А меня словно окатывает теплой волной.

Едва поправив прическу, с веселой озабоченностью она просит воды. Беру из шкафа стакан, иду на кухню, наливаю воду из под крана, приношу. Но Лора не пьет, достает из сумочки букетик подснежников – крошечный белый букетик, стиснутый листьями ландышей, – бережно развязывает, распеленывает его, выбрасывает жесткие листья, набирает воду в рот, обрызгивает нежные цветочки, любуясь ими, заботливо опускает в стакан и ставит в центре стола.

– Это мне один парень на улице подарил, красивый... – говорит она, гордая, и смеется.

Странно: в глазах у нее печаль. Или мне кажется?

Надо, надо их как-то развлечь! Даю им мой ручной си-ломер, медицинский. Они с визгами, возгласами поочередно сжимают его в своих ладошках, потом просят и меня. Я выжимал тогда много... Как ни странно, выжимал даже больше Антона, хотя он был на полголовы выше меня и значительно тяжелее...

Подруги Лоры несравнимо менее эффектны: одна молоденькая, лет двадцати, миленькая, но очень уж простень-

кая, другая – высокая, с меня ростом, лет тридцати, худая, с длинным носом и тяжелым, несоразмерно большим подбородком, застенчивая.

Лора подходит к радиоле, роется в пластинках и ставит не рок, который вошел тогда в моду, не джаз и не что-то отвязное, быстрое, а – итальянского певца Джильи. С интересом смотрю на нее, а она отвечает веселым и, как мне кажется, понимающим взглядом. А я чувствую, словно во мне разжигается что-то...

Наконец, ребята прибывают во всеоружии – бутылки выстраиваются на столе. Опять в комнате шумно. Долой Джильи – ставят веселую музыку! Начинаются привычные хлопоты по добыванию у соседей посуды, рюмок, Антон, как всегда по уговору, разыгрывает из себя тоже хозяина комнаты, ему это хорошо удастся. Костя смазлив, галантен – типичный сердцеед: молчаливый, манерный, томный, с печальным, скучающим и как будто зовущим куда-то взглядом – терпеть не могу таких....

Садимся за стол. Лора – между Антоном и Костей. За окнами темнеет, включаем маленький, «интимный» свет, дурачимся, поочередно выдумываем тосты. Бутылки быстро пустеют.

– Олег – отличный парень, – говорит в связи с чем-то Лора, это неожиданно и приятно, и я даже вздрагиваю, услышав ее слова.

Пора и потанцевать. Все уже во хмелю, это здорово. Сдви-

гаем стол в угол, ставим музыку танцевальную, медленную...

До Лоры, конечно же, не добраться, то Костя, то Антон приглашают ее наперебой, особенно Костя. Мне ничего не остается, как смиренно приглашать кого-нибудь из ее подруг, чаще получается – старшую.

Костя танцует с Лорой медленно, плотно прижимает к себе, не отрываясь, смотрит ей в глаза этак печально и томно, а она подмигивает нам с Антоном, дурачась, закатывает глаза. Но Костя даже не улыбнется...

– Видишь, Олег, Костя ее любит, а она с ним так, – говорит мне моя застенчивая партнерша, вздыхая. – Лариска всегда, со всеми так.

– Да? – якобы удивляюсь я. – Интересно...

И вдруг чувствую, что на самом деле интерес убывает неудержимо. Началось как будто бы хорошо, но теперь ясно, что опять не получается общего, кончается веселье и праздник. Опять все становится скучным, как всегда. Антон захмелел и уже хмуро серьезен – то с Лорой, то с молоденькой танцует очень старательно, полужакрыв глаза, тесно прижимая к себе, балдеет... Кончилось веселье и шутки – наступает время могучих телесных желаний!

Костя настойчиво и упорно гипнотизирует Лору... Мне, похоже, и молоденькая не светит, старшая – вот мой окончательный и бесповоротный удел! Кстати, когда еще только садились за стол, Антон прозвал ее Фернанделем, по имени знаменитого французского актера-комика с большой ниж-

ней челюстью и лошадиными зубами, это жестоко, но, черт побери, довольно метко. А еще Антон сказал, что она напоминает ему его маму, намекая, конечно, на возраст — она старше нас всех... Сволочь Антон, хам, как всегда.

Да, быстро все как-то... Выхожу из комнаты в дебри коммунального коридора, стою в передней зачем-то, потом иду на лестничную площадку. Хорошо курящим — всегда занятие есть. Но я не курю. Печаль, печаль... Перед глазами си-неет окно. «Россия, милая Россия, как грустно нам... в туманных далях...» — пытаюсь по дурацкой «онегинско-печеринской» привычке сочинить что-то многозначительное и эффектное, причем обязательно патриотическое. Даже инстинктивно принимаю этакую «печоринскую» позу. Не помогает... Да, Лора мне понравилась, очень понравилась, она красивая девушка, живая и, видимо, неглупая, но... Ну, конечно, где нам, бедным студентам, не для нас шикарные женщины, мы по ресторанам не ходим... Антон говорил, что Костя начальник отдела у них в Академии, а Лора из соседнего отдела, но считается чуть ли не самой красивой у них, и Костя за ней ухлестывает давно. И в рестораны ее вообще-то наперебой приглашают, так что... Не по Сеньке шапка, как говорится... Грустно, грустно. И скучно. «И некому руку...» Слава богу, остановился вовремя.

Постояв, возвращаюсь по узкому коммунальному коридору, вхожу... И меня вдруг приглашает на танец Лора. Да, да, едва вошел, еще не осмотрелся даже, а из глубины комнаты

она вдруг подходит ко мне и кладет руку мне на плечо... Машинально обнимаю за талию...

Тотчас все изменилось вокруг! Нет убогой мрачной комнаты, нет ребят, ничего нет кроме... Игрет музыка, мы близко друг к другу, вплотную, я ощущаю ее головокружительно пышную грудь своей грудью, я обнимаю ее... Мы оба словно в каком-то плавном полете, ее дыхание – это мое дыхание, наши сердца рядом, я чувствую ее горячий гладкий висок на своей щеке, моих губ касаются ее шелковистые душистые волосы... Чуть сильнее прижимаю ее к себе и ощущаю, как покорно и нежно обнимают меня ее легкие руки. Кружится голова...

Но кончается музыка.

Тотчас же грубо, решительно хватает за руку Лору Антон, обнимает, прижимает к себе, я даже не успеваю осмыслить... Начинается новая мелодия на пластинке... И Лора послушно припадает к Антону... А я вижу, что передо мной в каком-то даже требовательном ожидании стоит Фернандель.

– Да, вот так всегда получается, – обиженно говорит «законная» моя партнерша и заглядывает мне в глаза как-то жалобно. – Во всех компаниях все ухаживают за Лариской...

– Неужели? – переспрашиваю машинально, чувствуя, что голова все еще сладко кружится.

Да, Лора танцует с Антоном, тесно прижавшись к нему, хотя иногда посматривает и на меня, я это вижу. В груди почему-то ком... Что-то обиженно продолжает бормотать Фер-

нандель, я молчу. Мы танцуем...

Опьянели все окончательно, что ли? Или мне кажется? Я и сам как бы плыву...

Но вот Антон включает большой свет, в комнате опять становится шумно. Раскатисто и самоуверенно хохочет Антон – уже не такой серьезный! – Костя улыбается почти блаженно, щебечут о чем-то девчонки. Садимся снова за стол...

Тосты, шум и неразбериха, застенчивая добрая девушка с большим подбородком заботливо, как-то по-матерински ухаживает за мной, накладывая на тарелку консервы из банки. Лора над чем-то смеется слишком, пожалуй, громко, даже вульгарно, хотя и поглядывает на меня иногда, а я не знаю, радоваться или грустить, в голове черт знает что. А младшенькая светленькая девушка (кажется, ее зовут Лена), визгливо рассказывает о чем-то. Вижу вдруг, что Лора как-то ослепительно и жутковато красива, мрачное в ней что-то – ведьминское! Бледное лицо, резкие черные брови, светящиеся голубые глаза, черные с блеском волосы...

– Ты расскажи лучше, как ты тогда в ресторане отмочила, – низким материнским голосом обращается к младшенькой мой Фернандель, и все замолкают разом.

В наступившей тишине младшенькая тоненьким детским голоском трогательно произносит:

– Я пи-и-сать хочу!

И – раскат общего хохота, сотрясающий стены моей обшарпанной кельи...

Потом опять танцы. Опять толкотня друзей из-за Лоры... Но вот, кажется, Антон уступает окончательно Косте. Сам он опять серьезен, сосредоточен и отрешен, плотно прижимает к себе Лену, та, кажется, ничего уже не воспринимает вокруг, прилипла напроочь, им обоим ни до чего. А вот уже, вроде бы, и началось: целуются, точно... Костя, прикрыв глаза, основательно обнимает Лору, та тоже притихла, не поднимает глаза, не дурачится – видимо, наготове. Ясно.

И только мы с Фернанделем танцуем этак по-школьному, на расстоянии, я тактично и мягко пресекаю ее попытки приблизиться и ощущаю, что волшебство неудержимо рассеивается, трезвая, серая ясность брезжит. Голова уже совсем не кружится, и сердце молчит.

На помощь, как обычно, приходит время. Кто-то зажигает верхний свет, праздник заканчивается.

Девчонкам пора домой, они живут далеко. Опять толкотня у зеркала, только теперь как-то устало и, мне кажется, разочарованно. Что-то им говорят поочередно настойчиво Костя с Антоном, что-то девочки им отвечают – то одна, то другая мотают головой отрицательно.

Но вдруг Лора снимает надетое уже пальто, а Лена с Фернанделем говорят мне «до свиданья» – Фернандель с явной обидой, – они выходят из комнаты, а с ними и Костя с Антоном.

И до моего сознания доходит, что мы с Лорой остались вдвоем в комнате...

Я не знаю, почему задержалась Лора, куда ушли девчонки с ребятами, но ощущаю вдруг, что в висках стучит молотом, сердце подскакивает и гроыхает уже где-то в горле. Смотрю на Лору и вижу, что и она – взволнована!

Она с каким-то странным выражением лица отворачивается от меня, подходит к книжному шкафу, вытаскивает книгу, нервно листает...

Чугунными ногами шагаю к ней – и она тут же поворачивается, словно ждала. Машинально обнимаю ее – она прижимается тотчас, поднимает лицо, – и я впиваюсь в ее губы так, что становится больно. Но ощущаю вдруг, как нежно трепещут горячие, нежные губы ее, и как встречаются наши с ней языки...

Оглушительно колотится сердце, я едва держусь на ногах. Сжимаю ее тело, она тоже прижимается изо всех сил и... стонет слегка... Господи, господи...

Но в коридоре – шаги ребят. И мы отшатываемся друг от друга машинально...

Когда Костя с Антоном входят, мы уже просто как будто рассматриваем вместе книжку. Вижу, ощущаю пылающую Лорину щеку и завитки черных шелковистых волос, касающихся моей щеки, слышу ее дыхание. О, господи, что же делать...

Костя и Антон подозрительно смотрят на нас, Лора тотчас говорит что-то веселое и, как ни в чем не бывало, отходит в сторону. Антон с Костей над чем-то шутят, а я, успокаивая

сердце, машинально листаю книжку и пытаюсь сообразить, что нужно делать, как быть, и какое выражение должно быть на моем лице, когда подниму глаза на ребят. Равнодушие и спокойствие – так, что ли?

Ставлю книжку на место, смотрю. Никто не обращает на меня внимания, о чем-то говорят все трое. Лора держится как ни в чем не бывало. И она как будто бы и не торопится уходить...

– Давайте в бутылочку? – тихим, вкрадчивым голосом говорит Костя и улыбается этак лукаво.

– Конечно! Давайте! – бодро кричит Антон. – Молодец Костя! Какую возьмем? Лариса, тебе эта бутылка нравится? Олег, садись. Лариса, а ты сюда. Ну, кто крутит первый?

Машинально сажусь на стул, Лора оказывается напротив. Она не смотрит на меня, она внимательно наблюдает за Костей, который уже взял лежащую бутылку за середину. Резкое движение кисти – бутылка со стуком подпрыгивает, крутится, останавливается. Горлышко показывает на Антона.

– Ну, с тобой мы целоваться не будем, – говорит Костя и хочет схватить бутылку снова.

– Нет, уж, извини! – перехватывает бутылку Антон. – Моя очередь. Не хочешь меня целовать – не надо, а крутить теперь мне.

Он долго прилаживается, старательно обхватывая бутылку своей большой рукой, наконец крутит. Горлышко указывает на меня.

Так что крутить моя очередь.

Лора поднимает глаза. Я все-таки еще не опомнился от недавнего, у меня все еще колотится сердце, голова, как в тумане, я понятия не имею, что делать и как правильно себя вести, но я беру бутылку за середину, машинально кручу, она поворачивается несколько раз, и горлышко останавливается на Косте. Поспешно тот хватает бутылку, крутит и... Горлышко останавливается рядом с Лорой. Мгновенно Костя вскакивает, тянется к Лоре, едва не сваливая ее со стула, обнимает, присасывается губами. Антон громко хохочет. Лора ничуть не сопротивляется, и когда Костя, наконец, отстраняется от нее, я вижу, что щеки ее горят.

Тупо смотрю, как сначала Костя, потом Антон, снова Костя и снова Антон крутят бутылку и поочередно законно целуют Лору. Когда она крутит, горлышко тоже показывает на них, и она раскраснелась, улыбается, рада...

Это какая-то мистика, но на меня горлышко не показало больше ни разу.

– Может, хватит, ребята? – говорю, наконец.

– А ты, что, не хочешь поцеловать меня, да, Олег? – обиженно спрашивает Лора, глядя на меня своими чистыми голубыми глазами.

Я, видимо, краснею, а Антон, добрый мой друг, кричит:

– Да так целуйтесь, чего там! Как утешительный приз! Разрешим ему, Костя?

– Ладно уж, пусть, – великодушно улыбается Костя,

– Олег, ты слышал? – говорит Лора и улыбается.

Словно приговоренный, встаю, подхожу к ней, наклоняюсь... Она тотчас закидывает руки мне за спину, обнимает – их она не обнимала, это я вспоминаю мгновенно! – губы ее тянутся к моим, наши языки мгновенно встречаются, я чувствую, что Лора обмякает и даже стонет слегка... В голове у меня мутится, я чуть не падаю...

– Ну, вы даете! – кричит Антон. – Вот это я понимаю! А что ты, Костя! Ладно, хватит в бутылочку. В карты лучше давайте!

Я никак не могу прийти в себя, опять плыву по течению, послушно сажусь играть в карты... Каждый играет за себя, «в дурака», условия те же: кто выигрывает – целуется с кем хочет. Здесь везет в основном Антону. Когда держу перед собой карты, руки у меня слегка дрожат. Ни я, ни Лора не выигрываем ни разу...

Но вот и полночь наступила. Костя собирается уходить. Только тут я вспоминаю, что Антон говорил – у него жена и ребенок маленький. Обычно в таких случаях он сваливает на то, что ведет какой-то спецсеминар на работе.

– Спецсеминар кончается, Костя! Ничего не поделаешь – низкий старт! – весело шутит Максим, потому что Лора, очевидно, обо всем знает.

И вдруг с неожиданным, так не идущим ему проворством, Костя натягивает пальто и выскальзывает из комнаты, чуть не прищемив дверью свой пухлый портфель...

Мы остаемся вдвоем.

– Так я остаюсь у вас, да? – тихо спрашивает Лора Антона.

– Конечно! – кричит Антон. – Куда ж девушке в ночь? Мы с Олегом потеснимся. Правда, Олег? Тахта широкая, поместимся как-нибудь!

– У вас есть раскладушка? – спрашивает вдруг Лора, стоя посреди комнаты.

– Какая еще раскладушка, Лариса, нет у нас раскладушки! Тахта широкая, я же сказал. Не подеремся. Стели, Олег!

– А брюки есть какие-нибудь спортивные? – спрашивает опять Лора.

– Олег, поищи ей брюки, – командует Антон.

И я послушно принимаюсь искать брюки Лоре. Нахожу лыжные.

– Пойдет? – спрашиваю.

– Если других нет, то пойдет...

В странном, каком-то гипнотическом состоянии стелю на тахту то, что обычно, достаю одеяло.

Ложимся поочередно, Антон гасит свет.

Трикотажную кофту свою Лора стягивает сама. Антон аккуратно снимает с нее и бюстгальтер.

– Какая грудь у Ларисы, нет, ты посмотри, Олег, какая отличная грудь! – с искренним восхищением говорит он, и я смотрю.

И в полумраке комнаты, в слабом свете уличных фонарей я вижу это нежное беззащитное чудо – два округлых, словно

свелящихся холмика с заострившимися, беспечно торчащими сосками. Так близко, с такими подробностями и такую красивую женскую грудь я вижу впервые... Большая смуглая рука Антона ласкает ее, и торчащие соски упорно проскакивают между пальцами. Господи, Боже...

А Лора смотрит на меня. Застенчиво, но гордо.

Потом мы лежим на тахте: Лора посередине, Антон с внешнего края, а я у стенки. И словно в каком-то навязчивом, гипнотическом сне мы целуем Лору с Антоном поочередно. Я все еще растерян, все еще ничего не могу понять, ничего не могу поделать с собой, не знаю, как правильно. У меня еще не было так. С женщинами к тому времени, конечно, бывал, и не с одной, но, если честно, в себе не очень уверен. Чувствую, конечно, что происходит что-то не то, но... Нельзя же спасовать перед Антоном, это во-первых. А во вторых... Боже, Боже, чувствую, что ей нравится! И нет, нет никакого протеста с ее стороны! Наоборот: нежность, покорность... Антон целует, и я тоже целую... Лора волнуется, дышит прерывисто, я целую нежно, бережно, стараясь, чтобы получалось как можно лучше. Плохо это, наверное, нехорошо как-то, но ведь она с нежностью отвечает, ей нравится...

– Мы... Осторожненько... ладно? – тихонько вдруг говорит Антон.

Ясно, о чем речь, конечно же. Лора вздрагивает, но молчит. Она не возражает! И я чувствую вдруг, что кто-то из них дрожит мелкой дрожью. Не исключено, что она.

Она согласна, ясно, что она согласна! Она ждет...

Об Антоне говорить не приходится – он ведь и предложил. Дело, выходит, за мной. И вот тут...

Что-то странное случилось со мной. Такая грусть, что хоть волком вой. Я и правда, помнится, чуть не зарыдал в голос, кретин. Наверное, я все же другой, не такой, как они, не такой! – возопило все мое существо... Я соглашался, да, я целовал ее вместе с Антоном, но не настолько же... И она согласна – да, явно согласна она! Такая красивая, такая роскошная, такая живая и нежная... Она – согласна! А нас двое с Антоном...

Весь хмель вдруг из меня испарился. Отчаянно захотелось колотить в стену изо всех сил. Отчаянно! Что за мир, что за паршивый грязный мир, заорал я, но не вслух, разумеется. Им – хорошо, им обоим хорошо, Лора явно согласна! И они оба ждут. Ах, как целовалась она, ах, как она меня обнимала, как дрожала в моих объятиях, как сама пригласила меня на танец... А теперь...

И тут Антон встает зачем-то:

– Я сейчас приду...

И выходит в коридор.

И тогда... Опять что-то странное мгновенно происходит со мной. Не думая, не рассуждая, в сумасшедшем порыве я вдруг поворачиваюсь к Лоре и зарываюсь лицом в ее грудь – так исцелованную уже нами. Но... Она роскошная, нежная, полная, такая податливая и такая прохладная ее грудь!

Нежность, чувство вины, радость непонятная... Я целую в исступлении не только это нежное чудо с изюминками составших сосков, я целую и лицо ее, и шею, и губы, глаза, волосы... Я словно исстрадавшийся от жажды путник в пустыне нашел вдруг волшебный источник, погрузил в него разгоряченное палящей жарой лицо, и пью, пью, едва не захлебываясь... И тотчас ощущаю, что ее тело стало абсолютно послушным, оно словно слилось с моим, мы мгновенно стали одним единым счастливым сгустком, и словно прекрасная музыка вдруг звучит... И что-то из детства мелькнуло, и мама вспомнилась, которую я ведь не помнил – она умерла, когда мне было шесть лет, но до того долго лежала в больнице, и видел я ее в самом-самом раннем детстве, и – не помню... А теперь вдруг каким-то странным образом я ощущаю себя сильным, очень сильным и добрым...

Но входит Антон. И все нарушилось тотчас.

Антон ложится, тахта тяжело оседает под ним... Он поворачивается к Лоре и пытается опять целовать. Но...

– Кажется, что-то произошло? – говорит Антон, приподнявшись, и смотрит то на Лору, то на меня.

А я только стараюсь лечь поудобнее.

И тогда Лора вдруг тихо:

– Олежек, ты не целуй меня, ладно? А то может случиться что-то нехорошее...

В голове у меня хаос, цунами, буря в пустыне. В пустыне... Мы все лежим молча. Медленно течет время.

Антон, наконец, вздохнул глубоко и затих.

А Лора вдруг поворачивается ко мне. То она лежала на спине, «соблюдая нейтралитет», но тут вдруг решительно поворачивается ко мне. И обвивает мою шею руками. И шепчет на ухо:

– Какой ты хороший...

Сердце мое колотится оглушительно, слезы на глаза выступают. Лора прижимается ко мне всем телом. Голова по-прежнему идет кругом...

– Какой ты хороший, – повторяет Лора и прислоняется своей горячей щекой.

И опять вспышка и тягучая, сладкая музыка, и растерянность, и боль почему-то опять.

А Лора вдруг осторожно, медленно, с какой-то материнской заботливостью просовывает руку под ремень моих брюк, которые я ведь так и не снял... Она прикасается нежно, и я чуть не задыхаюсь от острого чувства, мощный вихрь подхватывает и несет, сердце словно пытается выпрыгнуть... Я ощущаю ее нежные пальцы – немыслимая, фантастическая сладость, и... Могучие, мощные толчки... И сладкая, горячая бездна, в которой я, кажется млею, словно в счастливом сне...

– Милый мой, – шепчет Лора тихонько.

А потом мы уснули.

Проснулся я первым... Едва открыв глаза, увидел в утреннем полумраке перед собой на подушке лицо Лоры. Спящее, ставшее во сне мягче, роднее. Красивое очень, наполовину прикрытое черными волосами. Длинные ресницы, почти детские пухлые губы... Не успел как следует разглядеть – глаза приоткрылись. Голубизна вспыхнула между ресницами, губы слегка растянулись в улыбке. Мгновенно меня охватило ощущение небывалого счастья... Она пошевелилась, и тут я вспомнил, что одна ее рука всю ночь обнимала меня. Она и сейчас спокойно лежала на моем бедре.

Сложные во мне были чувства... Но несмотря ни на что, нерассуждающая, звенящая радость пронизывала. Странное ощущение: как будто вчера, позавчера, раньше вокруг было холодно, а тут вдруг стало тепло. Как будто холодное тело мое отогрелось.

Ни я, ни она не успели ничего сказать – проснулся и зашевелился Антон.

– Ну, что, голубки, пробудились? – громко проговорил он, потягиваясь.

Он первым соскочил с тахты, натянул брюки, пошел умываться, пока не проснулись соседи... Лора встала, попросила меня отвернуться и начала одеваться тоже.

– У тебя есть чистая тряпочка или вата? – спросила.

Я достал из шкафа чистое полотенце.

– Отвернись! – попросила она.

Краем глаза я видел, что она, приспустив мои лыжные брюки, что-то делала у себя там, слегка наклонившись...

Антон вошел, когда Лора уже оделась и причесывалась перед зеркалом.

А я, облачившись во вчерашнюю свою белую рубашку, сидел на тахте и смотрел. И почему-то особенно к месту чувствовал себя именно в белой рубашке. И не мог отвести глаз. Сердце сжималось от ощущения невыразимого, небывалого родства.

Антон отправился на кухню ставить чайник. Лора обернулась. Медленно подошла ко мне, наклонилась и прислонилась лицом к моему лицу.

– У тебя есть записная книжка? – спросила тихо.

– Конечно.

И она сама написала свой телефон. На работу. Гребнева. Лора Гребнева – так ее подзывать.

Горячая, пылкая нежность сжигала меня, но я сидел, не в силах пошевелиться.

Вошел Антон с чайником. Быстро они с Лорой выпили по стакану. Ушли.

Некоторое время я по-прежнему сидел на тахте неподвижно. В груди возникали спазмы. То радость рвалась наружу, то жгла печаль. Наконец, горячая нежность затопила все. Глаза защипало.

День, однако, уже начался. К десяти нужно было ехать в детский сад, договариваться о фотографии. Я ведь зарабаты-

вал тем, что фотографировал детей в детских садах. Неофициально, можно даже сказать, подпольно. В советском государстве это было запрещено. Это называлось «частнопредпринимательская деятельность» и каралось по закону.

Вчера дозвонился заведующей, на сегодня договорились. Денег совсем уже нет – надо, обязательно надо ехать.

Я опять чувствовал себя, как в тумане.

Ехал в метро, потом в автобусе. Было тихо, пасмурно. Весна, 28-е марта. Значит, вчера 27-е? День рождения матери, давно умершей, а завтра день рождения сестры. Вот ведь совпадение... Маму, как уже сказано, я не помнил живой, только на фотографии. И вот вчера ее день рождения и – эта странная встреча, неожиданное происшествие. Лора...

Вообще-то до Лоры у меня было пять девушек, с которыми был сексуально как будто близок, но по-настоящему ни с одной... Первая любовь – тоже Лора, темноглазая живая девчушка одиннадцати лет в Лесной школе – но то любовь детская, несерьезная, и естественно, что даже намек на какую-либо эротику не было. Еще одна, тоже фактически первая – в городской школе, в восьмом классе. Голубоглазая, со светлыми волосами, Светлана.... Ни одного поцелуя... А вот первую женщину в эротическом смысле вряд ли можно назвать любовью, увы...

Движения мои в то утро были неспешны, замедленны, я как будто боялся расплескать что-то в себе, что-то нарушить. То, что происходило вокруг, почти меня не касалось – ка-

кие-то процессы происходили внутри меня. И все же в детский сад я поехал...

С заведующей разговаривал очень спокойно, сдержанно. Мои «представительские» фотографии ей понравились. Договорились о съемке на понедельник. А был четверг.

Ехал обратно и подумал вдруг, что вот теперь если что-то со мной случится – милиция, фининспектор, ОБХСС, КГБ... – будет, с кем поговорить на прощанье, с кем расстаться. А то ведь и не с кем по-настоящему. Хотя неизвестно, конечно же, как она... Не опытен я, ничего не поделаешь.

И когда подошел к телефонному автомату, чтобы позвонить и договориться о встрече как можно скорее, и уже опустил монету, долго стоял в раздумье. Ведь нужно назначить конкретный день. Какой? Сегодня, наверное, исключается – устали оба, надо выспаться, она работает, а я не в форме. Это ведь очень важно – быть в форме, особенно в первый раз. Женщины не прощают, если... Да, сегодня исключается, это точно. Значит, завтра? Но завтра – день рождения сестры. Старшая сестра, хотя и двоюродная, но она мне как мать – после смерти матери и гибели отца жили втроем – с ней и с бабушкой, а потом и бабушка умерла, остались вдвоем. Самый близкий человек Вера из родственников, не пойти на ее день рождения нельзя никак. Значит, с Лорой – послезавтра? Кстати, как раз суббота.

Только на миг беспокойство возникло – ведь целых два дня! Два дня!... Но – погасло. Ничего страшного. Тем более,

что она ведь работает. ...

– Лору Гребневу попросите, пожалуйста, – сказал, услышав в трубке чужой женский голос.

– Одну минутку.

Зовут.

– Да, я слушаю...

Приветливо, хотя и строго. Она.

– Лора, здравствуй. Это я, Олег. Узнала?

– Конечно, узнала. Здравствуй...

Голос потеплел тотчас, стал ласковым – как еще совсем недавно.

– Ну... как ты? – спросил тихо.

– Хорошо, отлично. А ты?

Божественная, волшебная музыка. Ясно, что рядом с ней люди, и она не может быть до конца искренней. Во мне все плавилось от счастья...

– Когда увидимся? – я.

– А когда ты хочешь? – она.

Да, весь мир пронизан музыкой, весь! Телефонная тесная будка реет в райском пространстве, и мы оба, казалось мне, определенно светимся на концах телефонного провода, а с ними и провод, и телефонные трубки наверняка излучают сияние...

– Сегодня мы будем спать, да? – сказал я. – А завтра я иду на день рождения к сестре. Надо, понимаешь, она мне самая близкая родственница... Может быть, послезавтра, в

субботу?

Я говорил это, но голос мой мне самому казался неприятным, фальшивым, я не понимал, в чем дело, но что-то явно было не то, не то...

Она не ответила сразу, помолчала, а я уже весь трепетал в беспокойстве: что-то очень вдруг не понравилось мне. Но что? Что?...

– В субботу я не смогу, знаешь, – сказала она как-то холодно, напряженно.

Миг общего молчания наступил.

И она добавила, но так же холодно:

– Нет, никак. В субботу никак.

Исчезла музыка, полная тишина, Я ворочался в тесной будке, словно упав с высоты, искал слова подходящие – это опять было непонятно и странно, странно...

– Да? Жалко, – проговорил как-то неуклюже, неловко, с торопливостью, ощущая, что будто бы воздуха не хватает...

– А... А в воскресенье? – нашелся, наконец. – В воскресенье ты сможешь?

Я ненавидел себя, с отвращением слышал то, что говорю, но продолжал, ощущая, кажется, что и она там, на том конце провода, слушает с неприязнью...

– Тогда в воскресенье давай, хорошо? Ладно? Ты сможешь? В воскресенье ты сможешь? – продолжал суетливо.

Короткое молчание. И:

– В воскресенье пожалуй. Постараюсь. А где?

Около метро «Дзержинская». У выхода. В семь вечера. У того выхода, который к магазину «Детский мир». В семь. В воскресенье.

И все же это не то. Не то! Я сам себе не нравился совершенно, я прямо-таки ненавидел себя, хотя и не понимал, за что.

Но все-таки договорились.

Что же, что произошло? Почему я так отвратительно себя чувствовал? Снова и снова повторял в воображении весь разговор, настойчиво убеждал себя в том, что все правильно, ничего плохого не было равным счетом, наоборот – ведь договорились! Пусть только через три дня, пусть не в субботу, как хотел, но договорились же! Сам ведь предложил ей в субботу – не сегодня, не завтра, а только в субботу. Ну и что, что она не может в субботу? Мало ли... В воскресенье она же ведь согласилась!

Так я настойчиво убеждал себя, но что-то крайне не нравилось все равно!

И я вновь вошел в телефонную будку и даже протянул руку к трубке... Позвонить опять! Немедленно! Предложить встречу сегодня! Сегодня же! После работы, раз уж она работает. Сегодня! Ведь она не может не хотеть после того, что было! И я хочу, хочу...

Даже бросил монету и снял трубку...

Но – сдержался. Глупости! Что это я, с ума схожу, что ли? Глупости! Что это я... Все – правильно! В конце концов даже

хорошо, что три дня... То есть почти четыре... Да, почти четыре дня – ведь сегодня тоже! Нет, все правильно. «КЛБ» – как любит выражаться Антон: «Крепче Любить Будет». Еще Стендаль, кстати, писал, что три дня – оптимальный срок для разлуки и созревания любви. Для «кристаллизации любви», как он выражался! Вот и подождем три дня. Все будет нормально...

И я вышел из будки.

Три дня и три вечера я не находил себе места. Садился за курсовую, но не мог сделать ничего абсолютно. Пытался что-нибудь почитать, но строчки плясали перед глазами и расплывались. Над повестью, которую начал недавно, сидеть тоже было абсолютно бессмысленно. Я просто смотрел перед собой, перебирая в памяти вновь и вновь подробности вечеринки. Разные...

Этот наш первый танец, а потом поцелуй, конечно же, около книжного шкафа – голова кругом... Но потом... Вчетвером, втроем... И – «мы осторожненько, ладно?» – и ее как будто бы согласие... Но... «Какой ты хороший...», «Олежек, ты не целуй меня, а то...» И, наконец, яркая вспышка, молния на тахте, взрыв, и музыка, музыка...

А подснежники? Как она их опрыскивала, ставила в стакан с водой бережно... А Джилы? И взгляды ее... И глаза... Боже, Боже... Никогда ничего подобного...

Цифры ее телефона светились в моем воспаленном сознании огненными какими-то письменами. И ведь в день рож-

дения матери! Символ! Неужели подарок? ЕЕ подарок ОТ-ТУДА? Неспроста, все неспроста...

День рождения сестры. У нее теперь была своя семья, она жила в другой квартире. Я любил ее и поехал к ней с добрыми чувствами. Она была рада, и я рад, тем более, что гостей было немного. Но я сидел, словно отбывая повинность. Может быть, когда уйдут гости, рассказать сестре и мужу ее, посоветоваться? Но они не поймут... Сестра в этих вопросах не очень-то...

И я молчал, думая все о том же, и опять был в каком-то трансе. Гости долго не уходили и в конце концов дружно и тупо все телевизор смотрели...

Ей на работу на следующий день я так и не позвонил. Хотелось, но не каждый же день... Ведь договорились. И потом... У нее ведь есть мой телефон, если что.

В субботу пришел Антон.

Он пришел поздно вечером, я поставил ему раскладушку. Дело в том, что живет он далеко, а его Академия близко, и он частенько оставался у меня ночевать.

Почему-то о вечеринке Антон даже не вспоминал. И я сам спросил его:

– Ну, как там Лора, Антон? Вы на работу не опоздали тогда?

– Нет, успели. А Лариса... Да как обычно. Я, правда, не видел ее ни вчера, ни позавчера. Конец месяца у нас, запарка.

Он зевнул, потянулся и с показным равнодушием, как мне показалось, сказал еще:

– Зря ты все-таки позавчера. Зря не поддержал меня. Она ведь согласна была. Что это с тобой стряслось? Трахнули бы ее вдвоем, устроили бы хорошенькое Гаити недельки на две, глядишь, и Костю бы подключили. Он давно о Ларисе мечтает, но пока все никак. Девка она ничего, одна грудь чего стоит, верно? Зря ты не поддержал. Ты что, боялся мне проиграть, что ли?

– Что значит, проиграть? В каком смысле? – я даже не сразу понял, о чем он.

– Ну, в половом смысле, понятно же.

Он смотрел, ухмыляясь.

Вот так номер. У меня сердце заболело вдруг, но я молчал. Просто не знал, что сказать. Просто не находил слов. При чем тут?...

– Она... Она мне понравилась, Антон, понимаешь, – заговорил я, наконец, сдерживаясь. – Даже не знаю, как тебе объяснить. Она... Она не такая, мне кажется, как ты о ней думаешь, она... Просто получилось все как-то по-глупому, что ли... Да, она согласна была, наверное, но...

Антон среагировал странно. Он нахмурился, густые брови его сошлись, лицо слегка покраснело. Не глядя на меня, он сказал:

– Знаешь, на кого ты сейчас похож?

Он взглянул на меня, и глаза его были недобры. Совсем

чужие и какие-то враждебные были глаза, Я поразился даже.

– На кого интересно? – спросил все-таки.

– На Роберта Кона ты похож. Из хэмовской «Фиесты», помнишь? Роберт Кон, тупой такой, глупый. Наивняк неотесанный. Неужели сам не замечаешь? Ты на него похож сейчас.

– При чем тут? – опять не понял я. – При чем тут Роберт Кон. Что-то не понимаю. Что значит наивняк неотесанный?

Хемингуэй был тогда всеобщим кумиром, как и Ремарк – их книги наконец-то появились у нас. Мне, правда, больше нравились Стейнбек и Олдингтон, а к Хемингуэю отношение у меня было неоднозначное. Я считал, что Хемингуэй очень уж старается выглядеть сильным, хорохорится, и в этом не сила его, а слабость. Что-то не в порядке с мужественностью у Хемингуэя, считал я, отчего и ему, и его героям постоянно приходилось ее доказывать – и другим, и себе самому в первую очередь. И не случайно, пожалуй, главный герой «Фиесты» – импотент. Хотя играет сильного и супер мужественного. Это ужасно грустно, конечно, но это, похоже, так. И финал хорошего писателя и мужчины Хемингуэя тоже был таким, видимо, не случайно.

Совсем другое дело, считал я, не только даже Стейнбек и Олдингтон, но – Джек Лондон! Вот кто был настоящим моим кумиром чуть ли не с самого детства!

– Ты хорошо читал «Фиесту»? – тем временем продолжал Антон. – Ты прочти еще раз, тебе полезно будет. Место про

Роберта Кона перечитай как следует. Ты на него похож сейчас. Неужели ты так и не понял, что Лариса дрянь? Самая настоящая, образцовая блядь, если на то пошло! Да, фигуристая, да, красивая, но ведь блядь. Ты что, не понял? Брет из «Фиесты» – это еще куда ни шло, хотя и она тоже блядь. Но она хоть дорогая, на кого попало не клюнет. А Лариса... Тебе того, что у нас было, мало? Как целовались все вместе, как она лежала тут с нами, как согласна была на все. С двоими! А то и с троими, если постараться! Ты не понял? И если бы ты не испугался, то...

– Испугался? Что значит, испугался? Ты что-то не то говоришь, Антон. При чем тут испуг...

– Я о тебе лучшего мнения был, Олег, уж если на то пошло, – продолжал Антон зло, с досадой. – Нашел, в кого влюбиться! Не понимаю, что на тебя нашло. Марию Магдалину выискал, надо же!

Он тяжело вздохнул. А я ничего не понимал. На самом деле не понимал, был в растерянности. Если Антон так считает, то как же он мог ее пригласить? Как мог говорить мне, что она из самых красивых девушек в Академии, как мог потом восхищаться ею, целовать, упрашивать... С блядью – «хорошенькое Гаити»?

– Ладно, пройдет, – продолжал он тем временем, явно ничего не поняв. – Протрезвеешь, оно и пройдет, ничего страшного. Я же не даром тебе советовал хоть раз потрахаться как следует, от души, до отвала, тогда и пройдет. Спать

давай. Устал я сегодня, ты меня извини. Сейчас не понимаешь – потом поймешь. Ты не только на Роберта Кона сейчас похож, а еще и на мышку. Мышку серенькую, уж извини. Я как-то о тебе лучшего мнения был. Ну да ладно. Не обижайся. Спать давай.

Опять тяжело вздохнул и замолк.

Я с трудом приходил в себя. Я был ошарашен и даже ответить не мог Антону внятно. Какое там объяснить! Хотя бы просто ответить. То, что он говорил и с какой интонацией, казалось мне чудовищным. Как можно говорить такое о женщине, молодой красивой женщине, которая позволяла себя целовать, которая ничего плохого не сделала, которая если и осталась с нами и позволяла то, что позволяла, то – по нашей же просьбе. Не за деньги, не с каким-то расчетом, а просто так. Что тут такого страшного, в конце концов? Он же сам хотел «хорошенькое Гаити». За что же так на нее? Прежде, чем ее привести, он ведь характеризовал ее так: «Красивая, великолепная женщина молодая, из соседнего отдела. Лариса. Вот бы ее к нам затащить, я постараюсь...» И затащил.

Я не думал, что Антон может так. Он раньше не казался мне таким бесчувственным все же.

– Ладно, – сказал я все-таки. – Давай спать. Странно все, что ты говоришь. Мышка так мышка, Роберт Кон так Роберт Кон, Бог с тобой. Кто такой Роберт Кон, я, честно говоря, забыл. Но это не важно. Не обо мне ведь речь. О ней. Ну да ладно. Спать так спать.

И опять был хаос в моей голове. Искренне не понимал я, что происходит. Почему Антон так зол? Ведь он прямо-таки кипел ненавистью – и ко мне, и к Лоре. За что? Ну, не согласился я на Гаити, ну, не поддержал его, ну, она мне понравилась, несмотря ни на что. Что ж тут такого ужасного? Да Бог с ним, в конце-то концов.

Лора, Лора, милая, хорошая, думал я, засыпая. И ответной злости на Антона у меня почему-то не было.

А на другой день наступило, наконец, воскресенье.

Антон с утра поехал домой – завтра ему на работу не надо.

Я всячески отгонял от себя мысли о Лоре – боялся как-нибудь сглазить. Делал гимнастику, потом позавтракал, посидел над учебником, правда совсем без пользы – в голову ничего не шло. Позвонила одна из знакомых девушек, Регина, очень хотела встретиться, я сказал, что никак не могу сейчас – курсовая...

Долго размышлял, покупать ли цветы. Наконец, решил, что лучше не покупать: это все же слишком на первый раз. Рано еще, будет видно, как дальше. А то посчитает меня слишком сентиментальным...

«Идя к женщине, не забудь захватить с собой плетку,» – вспомнились вдруг почему-то слова Ницше, которого я как раз недавно читал. Что-то в этом наверняка есть, подумал я, вспомнив вчерашние слова Антона, но сейчас мне стало смешно.

Без нескольких минут семь был там, где договорились. У

станции метро «Дзержинская», снаружи, у выхода к магазину «Детский мир». Волнение неожиданно улеглось, в душе возник штиль и покой. Я сделал все, что мог, теперь от меня уже ничего не зависит. Придет? Не придет? Видно будет.

Спокойно смотрел на прощальные желтоватые лучи солнца на стенах домов, на лицах прохожих, на сверкающих плоскостях автомобилей. Ослепительно сияли окна дома напротив – это КГБ, Лубянка... Что только ни творится там... А окна сверкают, как ни в чем не бывало!

В пятнадцать минут восьмого я подумал, что, может быть, неправильно понял место, где ждать – может быть, как раз другой выход?! Ведь их два здесь, может, она не так поняла? Быстро зашагал к другому выходу. Там ее тоже нет. Поспешно вернулся. Женщины всегда опаздывают, ничего страшного...

В половине восьмого подумал: вдруг что-то случилось, и она сейчас звонит мне домой? Мало ли что! Да-да, она ведь знает мой телефон – вернее, якобы, наш с Антоном, – он при мне записывал телефон в ее книжку... И теперь она, наверное, нервничает, звонит без конца, а я тут прохлаждаюсь. Мало ли что! Домой, скорее домой...

Добрался чуть ни бегом... Метался по комнате из угла в угол или неподвижно сидел, уставившись в никуда, мучительно вспоминая телефонный разговор в четверг. Может быть, я что-то не так понял? Да нет, вроде все так...

Телефон в коридоре молчал. А ее домашнего телефона у

меня нет, да у нее, кажется, дома нет телефона, она говорила, кажется. Что же делать? Не может быть, ну не может же быть, чтобы...

«Роберт Кон» – тут-то и вспомнились слова Антона. Кто же он такой, Роберт Кон? «Наивняк неотесанный»? Забыл... «Мышка»? Почему? Может быть, я и действительно... Не пришла и не позвонила даже. Почему? Что-то случилось?

Звонка так и не было. Наступила ночь.

А утром нужно было ехать в детский сад. Теперь чтобы фотографировать. Что ж, это хорошо даже. Медленно я собирался. На улице – ни намека на вчерашнее солнце: нахмурилось, сеется мелкий снег. И в комнате, и за окном все как будто поблекло, утеряло цвета. Мысль позвонить ей на работу утром почему-то даже в голову не пришла. Все ясно, чего там. Мышка. Роберт Кон. С кем-то встречалась наверняка. А я-то... Свято место пусто не бывает. А я... Не по Сеньке шапка? Но она ведь... А, ладно, мало ли что... Все равно Антон странный. Мало ли что...

Дети встретили меня ласково, весело – я всегда находил с ними общий язык. Начал фотографировать «режимные моменты» – умывание, обливание, завтрак, – потом игры с кубиками, куклами, рисование. Здесь был маленький, замкнутый, игрушечный мир, отгороженный каменными стенами дома, и я погрузился в этот мир. И почти успокоился – только сердце временами побаливало. Ко всему прочему, я тогда ведь так и не избавился от страха перед каким-нибудь фин-

инспектором ОБХСС или переодетым оперативником (я же не официальный фотограф, не представитель организации!), и теперь этот страх и воспоминание о вчерашнем слились. «Частнопредпринимательская деятельность» у меня, что ни говорите.

Дети, как всегда, помогли. Вот я сажаю или ставлю малыша перед фикусом или около аквариума, на фоне стены, около детского телефона. Говорю что-нибудь веселое или спрашиваю о чем-то хорошем. И мальчик или девочка улыбается...

С волнением наблюдаю за непрерывными изменениями детских лиц, и в подходящий момент нажимаю на спуск затвора. Детские лица в сущности все красивы, хотя, конечно, по-разному, и, фотографируя, я, как всегда, думаю: красота ребенка, женщины, какого-нибудь растения, животного, бабочки или цветка имеет таинственно близкие, общие корни...

Время съемки кончалось – они сейчас будут обедать и спать, а мне пора возвращаться домой. Успел отснять ровно половину, две группы из четырех. Столько же осталось на завтра. И тут сердце заболело опять...

– А почему будут фотокарточки? – с вежливой настороженностью спросила воспитательница.

– Я вам потом скажу, надо же показать. Недорого, в общем. По сорок копеек.

«Сорок копеек» выговорилось с трудом. Я всегда чувство-

вал неловкость, когда речь заходила о деньгах. Хотя никуда ведь не денешься все равно.

Вышел, погода все та же. На остановке автобуса стоял милиционер.

У метро я внезапно для самого себя, как-то машинально подошел к телефонному автомату. Опустил монету, набрал номер. Услышал сразу голос ее. Как ни в чем не бывало – спокойный голос, даже веселый! Радость вспыхнула на миг... но тут же пронзила боль. Она же узнала меня сразу. Но – ни в одном глазу!

– Почему ты не пришла, Лора? – хрипло выговорил я, с трудом.

– Не могла, Олег, понимаешь. Бывает... Я же говорила тебе... Точно не обещала.

Голос ее стал тихим, она оправдывалась.

Сердце сорвалось с привязи, я задыхался. Как?! Так просто... Ничего страшного, оказывается, не произошло? И даже не позвонила! А я-то... Ведь у нее есть мой телефон, а я весь вечер был дома! И теперь так спокойно... И сегодня не звонила, а то бы сказала ведь...

– Да, конечно, бывает, – проговорил я чужим, неестественным голосом. – А ведь я тебя ждал. Полчаса ждал, где договорились. Ну, что ж, не могла, значит, не могла. До свиданья. Как-нибудь позвоню.

И повесил трубку.

Вышел из будки. Зашагал автоматически, как в трансе.

Спустился в метро.

И только в переполненном вагоне, в давке, начал приходить в себя. Что я наделал?! Зачем так грубо?

Началась обратная реакция... Я ненавижу себя, проклинал. Что я наделал! Мало ли что у нее могло быть... Что я наделал! Не спросил ведь даже!

Подъезжая к своей станции, уже не чаял, как выбраться на поверхность. Бежал вверх по эскалатору. Рванул к телефонной будке, которая – единственная! – свободна. Не работает! Ждать когда освободится другая? Но у меня же одна только «двушка»! Вдруг не сработает? Нет, домой!

Чуть ли не бежал по улице до своего дома. Взлетел вверх по лестнице.

Телефон в коридоре свободен!

Набрал номер – она подошла!

– Послушай, это я. А что, если сегодня? Давай? Ты как, можешь?

Как ни странно, она согласилась. Договорились у «Справочного бюро» на площади Ногина, недалеко от Академии, места ее работы. В половине пятого, когда она закончит...

3

Да, вот так все и началось. Но не только Лора.

Кое-что – тоже важное! – началось чуть-чуть раньше. И – все оказалось связанным... Мог ли я тогда это предполагать?

Приблизительно за неделю до знакомства с Лорой, был очередной «творческий семинар» в Литинституте, когда в перерыве я позвонил Алексееву, заведующему отделом очерка и публицистики в молодежном журнале. Дело в том, что у Алексеева уже лежал мой этакий «рассказ-очерк», который Алексееву нравился и который он хотел напечатать в журнале. Однако возникли какие-то сложности – вот я и звонил.

– Олежек, ты? – Алексей сразу узнал мой голос. – Насчет твоего рассказика пока ничего определенного сказать не могу, но у меня к тебе предложение. Слушай внимательно: нужно написать очерк о «маленьких преступниках». О несовершеннолетних. Очерк большой, проблемный, главным образом моральная тема, даже можно сказать – половая. Думаю, это тема как раз для тебя. По телефону ничего объяснять не буду, ты приходи в редакцию сегодня же или завтра, все расскажу. Согласен?

– Да-да, конечно, – забормотал я растерянно, расстроенный тем, что с рассказом не получается. – Сегодня не успею, наверное, у меня семинар, а завтра можно?

– Можно. Вот и хорошо. Жду. В два часа дня, идет? Я знал, что ты согласишься.

Вернулся я в аудиторию не только расстроенным, но уже отчасти заряженным, и чем больше думал о предложении Алексеева, тем больше оно волновало. «Большой проблемный очерк...» – он ведь так и сказал. «О преступности несо-

вершеннолетних»... Да еще и тема «половая»... Интересно, почему он хочет предложить это мне? Ведь в моих рассказах, которые он читал, ничего такого и в помине нет. В других есть, но в тех, что дал ему, нет.

На следующий день побывал у Алексеева, получил солидную «ксиву» от журнала, тогда же Алексеев звонил в Горком комсомола с рекомендацией.

...И вот я уже в Горкоме в ожидании некоего Амелина, заведующего Сектором охраны общественного порядка. Происходит непонятное: я пришел точно в срок, Амелина нет. Я жду уже целый час, а Амелина все нет и нет. Что делать? Проходит еще час... Уйти? Но ведь это – начало. От него зависит дальнейшее... Вот от чего неуверенность, наивность, вот от чего! Ведь сколько раз... Любит начальство нас помариновать!

Наконец, Амелин пришел – высокий, молодой (наверное, мне ровесник), чуть сутуловатый, в папаше.

– Вы меня ждете? – Как ни в чем ни бывало!

Сначала разговор не вяжется: я никак не могу стряхнуть раздражение и скованность от долгого ожидания, Амелину, как видно, все же неловко. И оба мы зачем-то делаем вид: я – официальный, такой, какой, по моему мнению, должен быть у знающего себе цену корреспондента, которого так бессовестно заставили долго ждать, Амелин – тоже официальный (все-таки начальство!) и почему-то обиженный.

Однако натянутость постепенно рассеивается, и вот мы

уже — два человека в маленькой комнате при электрическом свете, а за окнами — темно. Там — захватывающая, непостижимая жизнь, там люди со своими заботами, проблемами, страстями, там молодые ребята и девушки, представители разных миров, которые с такими мучениями пытаются понять друг друга...

Амелин щедро достает из стола кипы документов: отчеты, сводки, доклады, стенограммы собраний, списки изъятых предметов при обыске, акты, расписки... И я погружаюсь в это море, сухое, бумажное, шелестящее — отзвуки жизни, которая там, за окнами, вершится и сейчас, вот сию минуту. В воображении мелькают вокзалы, полутемные улицы и переулки, бараки, железнодорожные пути и платформы в свете тусклых фонарей, группы подростков, неряшливо одетых, с серыми лицами, отвязных, испуганные девушки, заборы и подворотни, около которых разыгрываются дикие драмы. Сверкающие ножи, кастеты, велосипедные цепи... И что-то противоестественное, жуткое, что подразумевается под словами: изнасилование, убийство...

Амелин увлекся. В его рассказе нет никакого плана: он достает и показывает документы в беспорядке, как попало — чувствуется, что его тоже все это волнует на самом деле, — он говорит, не переставая, наваливая на меня информацию, чтобы «обрисовать ситуацию», как он объясняет... Я поражен: этот молодой и, похоже, застенчивый — краснеющий... — человек знает столько, оказывается, он сам не раз участво-

вал в «операциях», облавах...

Документов уже целая кipa – я, конечно же, не успею сегодня просмотреть и малую часть, – к тому же ведь приходится внимательно слушать Амелина и записывать хоть что-то в тетрадь. Вот из ящика стола он достает и с грохотом выкладывает металлические предметы: пара самодельных, грубо выточенных ножей, три изящные финки, велосипедная цепь, свинчатки разной формы, солидный, с металлическими шипами кастет. Ничего себе...

– Это в ремесленном училище операцию проводили, – с оттенком гордости говорит Амелин. – У нас кое-какие сведения были. Пришли, я так и сказал: ну, выкладывайте сами. Пока по-доброму. У кого что есть кладите на стол, живо!

– Так сами и выложили? – искренне удивляюсь я.

– Помялись для начала, потом один подходит, кладет. Другой... Так все и выложили! С ними так и нужно – честно, без сантиментов. Тогда они понимают. Хуже нет, если сам мнешься... А вот и еще, посмотри-ка...

В его руках стопка небольших фотографий. Девушки. Обнаженные – так и сверкнули. У меня тотчас же слегка перехватывает дыхание. Я беру их как бы небрежно, стараясь не показать волнения, проглядываю неестественно быстро и зачем-то делаю равнодушное, чуть ли не скучающее лицо. Даже головой слегка покачиваю, кретин, якобы сокрушенно. А пальцы мои дрожат... Я ведь и сам так фотографировал, но пока мало, мало, а вообще-то всегда мечтал. Это же самое

красивое, что есть на свете, если, конечно, снято хорошо – женщина, девушка, ее лицо, тело... Тут – плоховато снято все же, но не сказать, чтобы совсем плохо, и, как ни странно, вовсе не всегда пошло, хотя порой девчонка дурачится...

Амелин не смотрит на меня – он наклонился и роется еще в одном ящике, что-то хочет еще показать.

А я взволнован. Есть получше фотографии, есть похуже, но все пробиты ромбиками – так гасятся выигравшие и оплаченные лотерейные билеты и облигации.

Амелин продолжает искать что-то, и я проглядываю фотографии еще раз. Одна останавливает мое внимание особенно – девчонка лет восемнадцати, во весь рост, в раскованной и довольно-таки грациозной позе, веселая, очень милая. Тело светится, как мраморная скульптура, оно прекрасно. Сердце мое сжимается... И эта девушка тоже «погашена» ромбиком... А вот еще одна, уж совсем любопытная: снимок снизу, крупным планом – поначалу я даже толком не понял, что именно изображено, а когда понял, кровь бросилась в лицо, я почувствовал, что неудержимо, стыдно краснею. Перевернул – на обороте текст: «Пасылаю тебе фотку моей новой девушки, ее зовут Таня, ей шеснацать лет», именно так, с ошибками. Лица Тани вообще не видно, но зато очень хорошо видно другое...

Пришел домой поздно, чувствуя себя переполненным, ошеломленным, отчасти подавленным информацией. Большую пачку документов дал мне с собой Амелин.

Началось... Что-то будет дальше? Спал беспокойно. И в хаосе сновидений «фотка Тани» оживала чаще других...

На следующий день снова ездил к Амелину. Наметили приблизительный план действий.

Но тут наступила среда. 27-е марта. И – Лора.

4

...Когда выскочил из метро, прибежал домой, позвонил, и она неожиданно легко согласилась на встречу, тотчас почувствовал облегчение. Оставалось совсем немного времени до выхода. И это хорошо...

Я не рассчитал, приехал раньше. Было холодно, промозглый влажный ветер. В ожидании ходил неприкаянный, зашел погреться в соседний магазин, потом в телефонную будку. Зачем-то даже машинально снял трубку, сделав вид, что кому-то звоню... И тут же сквозь стеклянную дверь будки увидел ее.

Она тоже увидела меня – сквозь стекло будки – и подошла. Меня поразило выражение ее лица. Оно было безрадостным, равнодушным! В чем дело? Может быть, ей не понравилось, что в ожидании я кому-то звоню? Не такой ожидал я увидеть ее...

Поздоровалась она как-то небрежно, и как-то машинально мы прошли несколько шагов.

– Куда ты так решительно направилась? – спросил я, не

скрывая досады.

Дул неприятный холодный ветер, лежал мокрый снег, было уныло и серо вокруг.

– Так это ты меня ведешь, – тоже с досадой ответила она и спросила невесело:

– Что будем делать?

Я растерялся, промямлил что-то нечленораздельное, потом сказал:

– Может быть, пойдем ко мне, то есть к нам? Антона нет...

– Что мы будем делать? – настойчиво спросила она, теперь с каким-то вызовом даже.

Я совсем растерялся.

– Не знаю, – ответил уж совсем по-дурацки и, спохватившись, добавил еще глупее и тоже с вызовом: – Может, в кино пойдем?

О, Господи, причем тут кино! И возникло вдруг совершенно нелепое, дикое желание как-то оскорбить, может быть, даже унижить ее. Почему она так равнодушна? Зла даже! Какого черта! За что?

Она никак не среагировала на «кино» – поняла, может быть? – и я поспешно добавил:

– Хочешь, в кафе пойдем?

Рестораны, кафе я не любил в принципе. Дорого, выпенд-реж, тем более, что всегда лучше прийти ко мне... Сам не знаю, почему сказал тогда про кафе, но даже буква «ф» выговорилась шепеляво – от ненависти...

А она, против моего ожидания, оживилась вдруг:

– А не рано в кафе? – спросила по-доброму.

– Рано, – поспешно согласился я, ощутив внезапно дикую, смертельную грусть.

– Ну тогда пойдем пока к вам, а потом куда-нибудь движем, – сказала она как бы даже и деловито.

А у меня чуть слезы не выступили. Все, все мне не нравилось просто категорически. Что происходит, господи...

И мы пошли «к нам». Утомительно садились в автобус... У меня возникло стойкое чувство, что ей непривычно ездить в автобусе, хотя как же иначе она ездит на работу и с работы домой? Не только же на такси – денег не напасешься...

Все-таки попытался взять такси сначала, но не подвернулось, и она сказала «не надо». Тогда и сели в автобус.

Было много народу, давка – конец рабочего дня, – проехали только две остановки вместо трех, вышли, пошли пешком. В автобусе на нее смотрели, слишком уж она выделялась – красивая, яркая, – ей было неприятно, и она еле сдерживалась. У нее дорогая, модная шубка с капюшоном, и вообще она очень эффектна. Неестественно выглядела среди толпы. Неуместно, пожалуй, выглядел и я рядом с ней – в заштопанном дешевом плаще. Не знал просто, куда деваться...

Ветер дул нам в лица, когда шли, было совсем пасмурно, нависли низкие тучи, вот-вот пойдет дождь. Замерзли оба, но она сказала, что редко бывает на улице, и прогуляться ей полезно. Говорили мало, но я и не чувствовал необходимо-

сти говорить. Все рушилось непоправимо, уже разрушилось, казалось мне. Я прямо-таки коченел в горечи.

Вошли во двор, она, оживившись вдруг, начала рассказывать, как в среду, когда все пятеро ехали сюда, взяли такси, две машины, и на второй машине, куда они сели вдвоем с Костей, не знали, куда ехать, потому что первая скрылась. Но Лора почувствовала и угадала, и они приехали куда нужно.

«Почувствовала и угадала» – так и сказала теперь.

Поднялись по лестнице, вошли в квартиру, она поздоровалась с одной соседкой в передней у раковины и с другой в коридоре... Вошли в комнату, я тотчас запер дверь. Сняли пальто. Она была в той же красной шерстяной кофте и темной тесной юбке. Как тогда. Только сережки – я заметил – другие: длинные, прозрачные стеклянные капли. Как большие застывшие слезы, подумал почему-то.

Что делать? Мучительно я соображал. Не знал, как быть, что правильно! Со мной творилось непонятное что-то... Почему – не понимал.

Включили радиолу, поставили музыку. Она закурила – «сегодня на работе день был такой, что не успела и покурить...» Смотрели журнал, польский «Фильм», раз десять подряд перелистывали, дурачась, пытались разобрать, что там по-польски написано. Потом строили пирамидки из спичек... Дурдом.

Я все еще был в трансе, но и она, как ни странно, была взволнована.

– Ну, куда пойдём? – спросил я зачем-то.

– Никуда не хочется, – сказала она. – Давай отдыхать.

– Зря не зашли в магазин по дороге, – спохватился я. – У меня дома ничего нет...

Ведь и действительно вина нет, а девушку, вот, привел. Совсем с ума сошел.

– Может быть, сейчас в магазин сходим? – добавил совсем уж по-идиотски.

– Нет, не надо. – Она улыбнулась. – Зачем?

Зазвонил телефон в коридоре, и в дверь постучали. Я зачем-то пошел... Звонила опять Регина, пыталась по телефону читать свои последние стихи, я едва не взорвался, грубо сказал, что занят, она обиделась. Ее голос был словно из другого мира. Голова моя кружилась...

Когда вошел в комнату, увидел, что Лора лежит на тахте и курит. Я сел рядом. Потом прилег. Положил руку на ее плечо, не зная, что делать дальше. Сердце трепыхалось отчаянно.

– Я сама этого хочу, – сказала она вдруг, но как-то невнятно.

Я не понял, переспросил.

Она кокетливо, с улыбкой повторила и покраснела тотчас. Я лежал, не шевелясь, осмысливая, приходя в себя...

– Ты знаешь, я чего-то боюсь, – сказала она еще, серьезно.

– Чего? – тупо переспросил я.

– Не знаю. Не хочется нарушать, понимаешь...

Она внимательно посмотрела на меня.

– Мужчины меняются после этого, – добавила с грустью.

Я вдруг по-детски стал уверять, что не изменюсь, зря ты так думаешь, скорее наоборот, если что и изменится, то в лучшую сторону – ведь это естественно для нас теперь, правда же.

Но мне самому вдруг стало страшно.

Она хотела задать какой-то вопрос, не решалась.

– Ты что-то хочешь спросить? – догадался я.

– Да... А ты... У тебя... У тебя с кем-нибудь было? – спросила и покраснела опять.

О, Господи. Она решила, что я совсем мальчик. В двадцать пять лет... Боже, боже... Но ведь я и правда вел себя так, что...

– Ты, что, боишься меня испортить? – спросил глупо.

– Дурачок, – сказала она тихо.

И добавила:

– Выйди на несколько минут, хорошо?

Я вышел послушно, постоял в прихожей у раковины, перекинулся чем-то незначущим с соседкой. В голове пустота, сердце колотилось отчаянно.

Вернулся в комнату. Увидел, что Лора уже в постели, что-то делает, наклонившись. Понял, что пришел рано.

– Я погашу свет и не буду смотреть, хорошо?

Погасил, подошел к окну. Голова кружилась, глухо стучало сердце. Я смотрел в окно и не ощущал Лору в комнате.

за спиной. Уже совсем стемнело, горели на улице фонари, лежал мокрый снег...

– А сердце бьется, – сказал вслух зачем-то.

– Что ты сказал? – деловито переспросила она за спиной.

Повторил. Громче.

– Можешь идти, – позвала она.

Я повернулся, пошел.

Она лежала под одеялом. И смотрела на меня, ожидая – я видел это в свете уличных фонарей из окна. Начал раздеваться автоматически. Руки не слушались.

– Мне куда, на старое место? – идиотски пошутил я.

И – шагнул к стенке, неуклюже перешагнув через Лору. И влез под одеяло, путаясь. Теплая, она повернулась ко мне...

«Только не волноваться, только не волноваться» – застучало молоточком, а голова работала четко и ясно, и промелькнуло в сознании что-то очень важное, нужное, чего я никак не мог сообразить раньше – какой-то сюжетный поворот в моей новой повести, – а тело словно провалилось в пустоту. Словно все прошлое, болезненное мое, убогое прошлое, хранившееся где-то во мраке нижнего, скрытого отдела сознания, словно оно вдруг надвинулось – властно, требовательно, напомнило о себе, сковало... Стало жутко, я лишь головой, лишь рассудком ощущал рядом, совсем рядом горячее, нежное тело Лоры... Но чувствовал себя на вышке, с которой надо прыгнуть, обязательно прыгнуть, и захватило дух, а сердце готово было остановиться, и я был где-то дале-

ко сейчас, но не здесь, не с ней...

А потом пришел стыд.

– Глупышка ты мой, – ласково сказала она, тихонько поглаживая мое плечо.

До меня не сразу дошло то, что она сказала, только интонация, но я ощутил, что меня, словно на канатах, спустили вниз.

– Глупышка ты мой, – повторила она так ласково, так по-матерински спокойно.

Тут уж я чуть не заплакал. Лицо ее светилось нежностью. Я не увидел в нем ни разочарования, ни насмешки – ничего, что могло бы меня обидеть.

Да, это опять была она, та самая Лора, которую я видел в четверг ночью, а потом и утром. Это о ней я думал все четыре долгих дня и перед встречей сегодня. «Глупышка ты мой...» Господи, господи...

Я лежал безвольный, слабый, тело казалось чужим.

– Было у тебя еще с кем-нибудь так? – спросил я тихо.

– А у меня почти со всеми так, – неожиданно сказала она. – Несчастный человек, понимаешь. Что-то во мне есть, что отталкивает.

– Отталкивает?!

Слезы у меня все же выступили.

– Да что ты, Лора! – начал я ее утешать. – Ну что ты. Не может такого быть. Отталкивает! Наоборот... Когда очень хочется чего-то, то ведь это как раз и трудно сделать. Разве

ты не знаешь? Отталкивает! Ты просто красивая очень, яркая, вот и... Поэтому и...

Я рад был, что она так сказала. «Отталкивает»! Ничего себе...

Наверное, потому, что не ел ничего, подумал вдруг. Да и выпить бы не мешало. Какой же я дурак, что...

– Ты не возражаешь, если я все-таки в магазин схожу? – сказал я. – Тут близко... Я просто дурак, что раньше ничего не купил, упустил как-то. Ты уж извини ради Бога... Не возражаешь?

– Нет. Только недолго, хорошо?

– Конечно. Я мигом.

Оделся молниеносно, пошел. Словно в каком-то тумане покупал сухое вино, еще что-то, разливал с пьяным мужиком бутылку «Дубняка» на двоих – на полную не хватило денег...

Когда вернулся, Лора спала, но проснулась тотчас. Я придвинул стол к тахте, поставил на него все, мы «пировали».

– Ну, чего ты еще хочешь? – спрашивал я, взяв ее тарелку.

– Хочу тебя, – отвечала Лора.

Я пил «Дубняк» и старался есть побольше...

Вспомнил вдруг, что сегодня 1-е число. Первое апреля!

– Давай выпьем за апрель? – предложил.

– Только за апрель? – спросила она с неожиданной грустью.

И я вдруг страшно обрадовался.

– Нет, нет, конечно же, не только, что ты. Потом выпьем

и за май. И за июнь, за июль...

Возникло ощущение искренности ее, нежности, естественности. Я не ошибся в ней! Она серьезно сказала, что не любила еще ни разу, и ее не любили по-настоящему. Только, может быть, один парень, но он утонул. Странно, однако она назвала студента физкультурного института, историю о котором я слышал от приятеля Сашки. Чудак на спор хотел перенырнуть пятидесятиметровый бассейн и умер от разрыва сердца под водой. Совпадение?

– Я так плакала в воскресенье, – сказала она вдруг.

Плакала? В воскресенье?

У меня аж сердце замерло от радости – ведь это было вчера, когда она не пришла! Не потому ли плакала, что...

Но я не спросил почему-то. Молча взял бутылку и налил еще вина.

Ловили музыку по приемнику, спали. Что-то у нас все-таки состоялось. Не очень-то выразительно, но состоялось... Формально, можно сказать. По-настоящему я не сумел показать себя мужчиной, увы. Хотя бы таким, каким бывал иногда все же с другими. Я-то думал, что так, как с той, первой, уже никогда не повторится. Но вот повторилось.

5

...Поднялись рано – было серо за окнами, пасмурно. Она почему-то заторопилась не на работу, домой. Сказала, что

перед работой ей обязательно нужно домой. Зачем? Я не понял тогда... Была раздражена чем-то...

Вышли вместе на улицу, посадил ее на такси. Вернулся.

К 10-ти нужно было ехать в детский сад, фотографировать оставшиеся группы. Я плавал в невыразимой печали. Ну, ясно же, я был плох с ней, поэтому она и была раздражена утром. Женщины не прощают слабости – хватало опыта, чтобы это понять. Как же ей объяснить, мучительно думал я. Ведь первый раз вообще не считается! Ведь вот со второй у меня сначала тоже было кое-как и невнятно, зато потом...

От станции метро ехал в полупустом автобусе. На улицах таял недавно выпавший снег. Не было радости во мне, вот какое дело! И все как-то чудовищно перемешалось. Странно, казалось бы, связывать все, но связь была. Но я не знал, что к чему.

Дети на этот раз встретили меня как-то особенно хорошо. И воспитательницы почему-то ободряюще улыбались. Может быть, мне это казалось? Иногда я даже забывал о Лоре. Хотя сердце ныло, не переставая.

После съемки из автомата позвонил в Горком, Амелину. Он был на месте и пригласил приехать в четыре.

Встретил как старого знакомого.

– Здорово, здорово, Олег! Тебе что сегодня показать? Ты «Суд над равнодушием» хотел посмотреть? Пожалуйста, сейчас достану... Да, кстати. Знаешь, тут в одной школе ребята пишут записку девочкам: «Приходите после уроков на

сквер, будем целоваться». Девятый класс. А девчонки им отвечают: «Если хотите только целоваться, посылайте свое приглашение четвероклассницам». Ничего, да? Ты мой отчетный доклад на Конференции смотрел? Не очень гладко составлен, можно было лучше, но ты все же глянь, тебе интересно будет.

Он говорил увлеченно, не замечая моего состояния или тактично делая вид, что не замечает, и я тоже делал вид, поддерживая игру, а когда Амелин сказал про ответ девятиклассниц, я машинально улыбнулся и даже головой покачал в шутливом благопристойном негодовании – как с фотографиями в прошлый раз, – хотя во мне немедленно что-то откликнулось – горячий, будоражащий отклик. И с новой силой вспыхнула боль. В груди словно открылась бездонная рана, а губы сводила судорога.

Я-то в девятом классе ни разу еще даже не целовался, первая женщина была у меня в 23 года, а теперь с Лорой получился такой вот конфуз. Правы девятиклассницы, пусть и звучит это не очень-то благопристойно.

Я смотрел на Амелина, видел легко краснеющее лицо своего сверстника и думал: а как у тебя с ЭТИМ, Алик? То, чем ты занимаешься – чужое все-таки, а вот у тебя самого как? Ты ведь тоже моего поколения, тоже, небось, детство голодное и постоянная ложь и дурь... Сумел ли ты преодолеть? Борец с безнравственностью, честный парень, сам-то ты как? – Грязная работа, знаешь, – продолжал между тем Аме-

лин, не замечая моего состояния (или делая вид?). – Давно бы бросил, да ребят жалко. Несмышлениши еще, попадут под влияние или в голову глупость взбредет по пьянке, а потом колония. Или, как они сами говорят, «спецшкола». Три года сроку – «трехлетка», семь – «семилетка». Там ведь большие специалисты есть среди уголовников. А возвращаются ребятишки – их, к тому же, и на работу не берут, потому что вроде как с клеймом. По закону-то обязаны брать, но ведь кадровиков насильно не заставишь. Оно и понятно: кому охота связываться, жизнь себе осложнять? Вот и получается: сорвался парнишка случайно, получил срок первый и – пропал. Какое там исправление! Он, наоборот, «квалификацию» получает! И общество наше его от себя навсегда отторгает. Какой же во всем этом смысл? Получается, что мы не исправляем преступников, а – плодим. Или вот еще: с военкоматом воюем... В армию с судимостью не берут, а в армию-то им как раз и надо бы – там дисциплина! И, опять же, здоровая среда. Бывает, мы даже с милицией спорим: не хотят с вернувшимися из колонии по-человечески обращаться, недоверие, подозрение на каждом шагу. Вот и бьемся о стенку, а толку нет.

Верно, верно говорил Алик, я согласен, конечно. Но другая проблема жгла меня неотступно, и, кивая в ответ на его слова, я спросил вдруг:

– Алик, а ты женат?

– Был женат, – сказал Алик, осекся и покраснел поче-

му-то.

Почему он покраснел, вот интересно? – подумал я с какой-то даже язвительностью.

– Ну, ладно, – помолчав продолжал он. – Вот тебе папка. «Суд над равнодушием». Читай. И мой доклад посмотри.

Я взял и то, и другое. «Сожительство несовершеннолетних девочек со взрослыми мужчинами», – бросилась в глаза строчка из доклада – графа, в которой были цифры. Цифры внушительные... «Суд над равнодушием» – папка так и называлась. Алик ею гордился, говорил о ней еще в прошлый раз.

Начал читать. Сначала трудно было сосредоточиться, войти в текст. Но вскоре я понял: «Суд над равнодушием» – это суд не над самими преступниками, то есть не над теми, кто формально совершал преступления (ребята шестнадцати-семнадцати лет грабили женщин на улицах), а над свидетелями. То есть, по мысли судей, над соучастниками, а может быть даже еще большими виновниками ребячьих преступлений, чем сами ребята. Ибо они, взрослые и опытные, не только не сделали ничего, чтобы предотвратить, а, наоборот, подталкивали ребят, провоцировали. На символической скамье подсудимых сидели отцы и матери осужденных, начальник ЖЭКа, начальник автомастерской, милиционер, дворник... Четверо ребят, остриженных наголо и уже приговоренных к разным срокам лишения свободы в колонии, расположились под охраной конвоя на местах для свидетелей – это было за-

печатлено на фотографиях, которые в папке.

То есть суд после суда. Суд над теми, кто довел ребят до суда.

Я читал стенограмму с растущим волнением. Моя собственная боль как будто утихла – то, о чем я читал, было новой неожиданностью. Идя в Горком, я не ожидал увидеть что-то подобное. Приказы, наказания, проработки, накачки со стороны «партии» и «комсомола» – вот к чему давно привыкли. Идея же вот такого «суда над равнодушием» была давняя и моя идея – я ведь тоже считал, что на всё есть свои причины, преступники рождаются не на пустом месте, и в бедах детей виноваты прежде всего именно взрослые.

Общественный обвинитель на суде говорил как будто моими словами: предательство, настоящее предательство взрослых – вот одна из главных причин детской преступности! Равнодушие, трусливая ложь и лень – лень работать над собой, думать, помогать другим... Взрослые считают себя совершенными, хорошими, умными только потому, что они – «взрослые»...

Один из парней на суде говорил так:

– Скучища зеленая. Дома – телевизор, больше ничего. Ни отец, ни мать никогда ни о чем не разговаривают между собой, кроме как о жратве, о деньгах, о вещах. В школе тоже скука, никому до тебя дела нет, преподаватели ничего толком не объясняют – учи, и все тут. Врут на каждом шагу. Вечером пойти некуда, во всех кинотеатрах одно и то же.

Посмотришь новый фильм и всю неделю в кино не ходи – смотреть нечего. Клубов нормальных нет, а в тех, что есть, – то же кино, ну, может быть, еще танцы под радиолу, больше ничего. Так пить и начали. Выпьешь, вроде как и веселее, ни о чем не думаешь. Ну, а если уж не считаешь, переберешь, то и вовсе не помнишь, что делаешь...

Дочитывая стенограмму, я прямо-таки не мог усидеть спокойно. Вот уж не ожидал увидеть здесь, в Горкоме, такое...

– Алик, а ты сам был на этом суде? – спросил, волнуясь.

– Был, конечно. Что ты! Такая обстановка в зале была! Эти подсудимые – взрослые – красные от стыда сидели, глаза боялись поднять. Люди в зале сначала как-то раскачивались, а потом такое началось! Друг друга обвинять начали, расшумелись. Но и задумались – это главное, понимаешь. Задумались! На милиционера с обвинениями напали, а он слова не мог сказать в свою защиту, чего ж тут скажешь! Начальник автомастерской, здоровый такой детина, его спрашивают: вы что же, ребят испугались, деньги им поскорее совать начали? А он: да ведь их четверо, вон лбы какие... И мнется стоит. Его на смех подняли, хотя ребята, если честно, и правда лбы...

– А отцы-матери?

– Ну, эти вообще. Один – преподаватель в институте, ему говорят: чему же вы студентов учите? А он: я сопромат преподаю. В зале хохот – он студентам сопромат преподает, а его

родной сын тем временем женщин на улице грабит... Ему: зачем вы деньги сыну давали, вы, что, не знали разве, что он на ваши деньги пьет с ребятами? А он: я поздно домой прихожу, у меня дополнительные занятия. Представляешь, у него с другими дополнительные занятия, а его сын в то же самое время с ножом к девчонкам идет... И хоть бы когда с сыном по душам поговорил! Ведь знал же, что сын выпивает, видел его пьяным, сам признался! А один папаша забыл, когда у сына его день рождения – несколько минут вспоминал, мялся, так и не вспомнил! В зале его освистали. Женщина одна, учительница, выступала: вас, родителей, говорит, вместо ребят посадить надо...

– Алик, а что если мне об этом Суде написать? – спросил я, ощущая, что меня прямо-таки колотит от волнения.

– Давай, конечно! Правда, о нем уже писали, кажется. Или пишут. Кто-то из журналистов у меня эту папку брал. Но ты все равно пиши. Но ведь и других тем полно! Положительных примеров у нас навалом! Шефы-комсомольцы, например. «Макаренковские» отряды на предприятиях... У нас много героев есть. Вот, к примеру, Гурьев, милиционер, очень одной девушке помог, которая из колонии вернулась. Или вот Лида Грушина, комсомольский шеф – парня воспитала, который в тюрьме родился... Штейнберг Аркадий, завклубом. Лианозова, инспектор детской комнаты милиции. Всех и не перечислишь. Только пиши...

Выходил я от Амелина переполненный, заряженный, во-

одушевленный. Не ожидал! А я-то думал... Комсомол, Партия – сплошные формальности и показуха. А вот ведь, оказывается...

Я горел благородным пылом, готов был немедленно сесть за свой очерк – ну, хоть о «Суде над равнодушием», – вот, прямо сейчас, сегодня, тут же! И написать все, что думаю вообще по этому поводу! Да, равнодушие, да, всем наплевать друг на друга, да, каждый думает только лишь о себе, а потом удивляется, что жизнь такая вокруг! Ложь ведь кругом, сплошная ложь!

Рассказать, поддержать, развить благородную, такую нужную всем идею! Вот же она, ниточка, за которую потянуть и – начать. Наконец-то начать! Сегодня же...

Однако... Я шел по темной вечерней улице... Кстати, почему так плохо, так мало освещены московские улицы? – в который уж раз думал я. Ведь столица... А в других городах еще хуже. И войны ведь давно не было, время вроде бы мирное. Так почему? И если бы только это... Ложь ведь на каждом шагу. Да, у Амелина мне понравилось, хороший он парень, честный, душой болеет, но... Если начать вспоминать... Многое можно вспомнить!

Да, стоило подумать о нашей жизни вообще, поразмыслить... Глухая, нерассуждающая, привычная тоска навалилась. Ведь нет настоящей жизни у нас, нет! Серое все и задушенное. Такое впечатление, что душат жизнь, ненавидят, все делают, чтобы люди не жили по-человечески! Но – кто?

Сверху – да. А сами? Главное ведь – сами... Свыклись, привыкли! Никакого протеста!

Вошел в убогую свою квартиру – коммуналка на семь семей, одна кухня без окон с семью деревянными столиками, на которых по утрам бегают полчища тараканов. Центральное отопление провели год назад, а то печки топили. И газ провели тоже не так уж давно! И это почти в самом центре столицы... Шестидесятые годы, после войны прошло уже столько... Нет у нас ни душа, ни горячей воды, есть только общая кухня, заржавленная раковина и холодная вода из крана... Девушкам моим даже помыться негде. И туалет засаривается постоянно – трубы старые. Что же удивляться на то, что я вот...

Тут даже вздрогнул, вспомнив, Господи, Лора! Что же удивляться, что...

Отпер дверь своей комнаты, вошел. Скрипучий, выщербленный пол, поотставшие обои, ремонта не было больше десяти лет, мебель вся допотопная, тахта продавленная, доставшаяся по наследству, накидка на тахте рваная. Мне-то что, я привык, но девчонкам... И ей, Лоре...

А ведь я честно работал – то на заводе, потом на стройке, потом с фотографией. Зарплаты такие, что... Мои фотографии, кстати, очень хвалят. И рассказы мои хвалят те, кто разбирается в литературе. Но их не печатают. Мало социальности в них, говорят редакторы. Мало о Партии и комсомоле, мало рабочего энтузиазма, мало оптимистической на-

правленности. Лжи мало! И о природе многовато, о прелести жизни человеческой. Это – не говоря об эротике. Эротика у нас вообще под запретом. Что это такое – эротика? Зачем? Как будто мужчин и женщин у нас нет, а есть рабочие единицы, неважно какого пола.

Зазвонил телефон в коридоре, и я вздрогнул. Быстро вышел, снял трубку. Алик Амелин.

– Олег, слушай внимательно. Ты только ушел, а мне новую информацию дали. Сегодня в клубе «Романтик» – том самом, который Штейнберг организовал, я тебе говорил о нем, помнишь? – так вот там состоится собрание в восемь вечера. Ты успеешь, если поедешь сразу. Встреча комсомольцев строительной организации – СУ-91 – со своим начальством. Там, представляешь, Бригада коммунистического труда – так они себя называли, – а комсомольской работы на сто процентов нет. Хотя практически все комсомольцы! Да ведь ты об этой бригаде, кажется, слышал, когда в прошлый раз у меня был. Комсомольцы письмо прислали к нам, жаловались, помнишь? Так вот мы эту встречу с начальством и организовали. Лицом к лицу, понимаешь. Обязательно сходи, тебе интересно будет. Рубка там должна быть, будь здоров. Наш инструктор проводит, его фамилия Кочин, ты его у меня видел в прошлый раз. Заодно там и со Штейнбергом встретишься, он тоже должен быть. Пойдешь?

– Да, – сказал я. – Обязательно. Еду.

Было без чего-то восемь.

Долго пришлось искать нужный дом – район новой застройки, все одинаковое, никто толком не мог объяснить. Найдя, наконец, клуб «Романтик», я безнадежно опаздывал: было без двадцати девять. Однако войдя, я понял, что собрание началось только что.

В небольшом зале на стульях, составленных рядами, сидело человек тридцать. Почти одни девушки – в спецовках, телогрейках, некоторые с пестрыми платочками на головах. На сцене за столом, покрытом зеленым сукном, расположились четверо мужчин. У небольшой кафедры стоял коренастый инструктор Горкома. Когда я вошел и, стараясь не шуметь, усаживался в последнем ряду, инструктор, по всей видимости, заканчивал вступительное слово.

– Вот мы и решили устроить эту встречу, чтобы вы, комсомольцы, могли высказаться, – сказал он.

– А некомсомольцам можно? – спросил кто-то из девушек.

– Можно и некомсомольцам, – ответил инструктор, а в зале почему-то захихикали. – Но я бы хотел, чтобы в первую очередь высказались комсомольцы. Письмо написано комсомольцами, мы в Горкоме прочитали и решили организовать эту встречу. Вот ваше начальство, – он показал на тех, кто сидел за столом. – Начальник Строительного Управления,

прораб, бухгалтер, комендант общежития. Пожалуйста, скажите обо всех своих проблемах по-деловому. Что вам мешает? Почему никто из вас не учится, почему с дисциплиной плохо? Все, о чем вы написали. Пожалуйста.

Инструктор сел.

Воцарилась тишина.

Я вспомнил, что действительно видел у Амелина этого инструктора. Он тогда рассказывал о письме. И еще возмущался тем, что какую-то женщину уволили, хотя она была в декрете. Этот Кочин меня тогда тоже порадовал – еще один равнодушный, живой человек в Горкоме...

– Ну, что же вы молчите? Кто хочет выступить первым? – спросил Кочин и встал.

Сидевшие на сцене выглядели так: начальник СУ – большой угрюмый мужчина с тяжелым лицом и насупленным взглядом; прораб – юркий, маленький, лысый; бухгалтер – пожилой, полный, добродушный, в очках. Четвертый же показался мне особенно выразительным – тонкогубый, бритоголовый, с оттопыренными ушами, весь какой-то бесцветный, в гимнастерке. И очень решительный. Очевидно, это комендант общежития...

Начальство – и подчиненные. Подчиненные терпели долго, но вот написали жалобу «наверх». И «верх» прислал своего представителя. Давайте, ребята, вперед! Вас обижали? Что ж, молодцы, решились и жалобу написали. Продолжайте!

Ну ведь здорово же! Это наверняка тоже Алик Амелин.

Я аж вздрагивал от нетерпения. Прецедент! То, о чем я мечтал! Вот и тема для очерка – ПРЕЦЕДЕНТ! Все причины социальных бед – в равнодушии, беспомощности, покорности людей, ясно же! «Бойтесь равнодушных! Именно с их молчаливого согласия вершатся на земле насилия и убийства!» – приблизительно так у Горького. Верно! Ну, так давайте, ребята, вперед!

В зале молчали.

Начальник СУ нетерпеливо постукивал пальцами по столу. Инструктор стоял и ждал ответа из зала. Открылась дверь, и вошли еще несколько человек, среди них – два парня...

– Ну, кто же? – опять спросил инструктор. – Что же вы? Письмо было такое горячее, а теперь что же молчите? Вот, давайте, скажите с глазу на глаз.

– Поактивней, товарищи, поактивней, – негромко сказал бухгалтер.

И вдруг зашумели все.

– Она комсорг, пусть она и говорит!

– Выступи, Валь, выступи!

– Давай, Валь, чего там. Скажи!

На сцену выскочила взволнованная девчонка лет двадцати в зеленой кофточке. Очевидно, комсорг. Сбиваясь, отчаянно краснея, проглатывая слова, она затараторила звонким срывающимся голосом. Трудно было что-то понять, однако

ясно, что она жаловалась...

– Да ты не волнуйся, Валь, – громко сказал парень с места.

Это доконало девчонку. Еще больше смутившись, окончательно запутавшись, она сбежала с трибуны и, усевшись на свое место, уткнула лицо в ладони. Ну и ну. Вот тебе и комсомольский вождь...

Начальство недоуменно переглядывалось...

Но вот с одного из стульев встала темноволосая высокая девушка. Бледная, она поднялась на сцену... В зале притихли. Начальник СУ всем телом повернулся к ней – так, что заскрипел стул.

– Вот мы вчера сидим на этаже, раствора нет, – начала девушка, очень волнуясь, голос ее срывался. – Почему нет раствора, у мастера спрашиваем. Не привезли, говорит. Все утро просидели зря. После обеда приходим, а раствора опять нет. Почему? Кран сломался. Раствор привезли, а кран не работает. Стали на себе, в ведрах таскать. На пятый этаж не больно-то. Стала я считать: за вчерашний день рубль заработала. Ладно. Хорошо. А в прошлом месяце, в марте, мы с девчонками считали, по сколько должны были наряды закрыть? По четыре восемьдесят. А закрыли по сколько? По три двадцать. Верно, девчонки?

– Верно! Верно!

– Вот я у Матвея Кузьмича и спрашиваю. Матвей Кузьмич, почему нам по три двадцать закрыли? А он говорит: фонд зарплаты не позволяет. Но ведь мы эти деньги зарабо-

тали? Заработали. Так почему же?

Поднялся шум. Теперь, кажется, хотели говорить все сразу. Инструктор руками замахал

– Подождите, подождите! – прокричал он. – Поочереди! А вот мы у Матвея Кузьмича спросим. Эта правда, Матвей Кузьмич?

– Правда, – сказал бухгалтер. – Я ничего не могу сделать. У нас фонд зарплаты ограничен. Я бы с удовольствием, да не могу.

Опять зашумели все. Дверь открывалась несколько раз, и народу в зале прибавилось. Красивая девушка в меховой распахнутой шубке села в двух стульях от меня. Черные волосы ее были эффектно уложены в высокую прическу. Она достала блокнот, авторучку и принялась внимательно оглядывать сцену и зал. Неужели корреспондентка? – подумал я.

На трибуне теперь был уже новый оратор, тоже девушка. Пронзительным разбитным голоском она тоже говорила что-то о нарядах. Соседка моя пока ничего не записывала. Покусывая кончик авторучки, она внимательно смотрела на сцену, пытаясь, очевидно, осмыслить, что здесь происходит. Удивительно не к месту выглядела она здесь в своей дорогой шубке, с эффектной прической, шикарной косметикой.словно красивая райская птица, залетевшая ненароком в курятник....

После той, которая говорила о растворах и неправильно закрытых нарядах, ясно стало, что многим здесь есть, что

сказать. Зал, что называется, забурлил.

Начальник СУ покраснел и еще больше набылчился. Про-
раб смешно вертел головой и пытался короткими реплика-
ми полемизировать с выступавшими. Инструктор Кочин с
удовлетворением поглядывал на то, что происходит, а лицо
бухгалтера, как ни странно, повеселело. Он словно бы даже
распрявился, и очки его бодро заблестели. А вот комендант
– ровно наоборот: выпятил грудь, тянул вверх подбородок
и смотрел на пробудившиеся страсти явно не одобряюще.
Казалось, что только присутствие вышестоящего начальства
удерживает его от того, чтобы встать и произнести какую-ни-
будь отрывистую, подобающую ситуации речь-команду, за-
ставить всех замолчать, прекратить этот, понимаете ли, без-
образный бунт.

И вот тут на сцену поднялась женщина лет тридцати пя-
ти, невысокая, невзрачная, с прямыми темными волосами,
собранными в пучок на затылке. Пытаясь унять волнение,
она очень неловко отставила далеко в сторону прямую руку,
ухватившись за край кафедры, и оперлась на нее. Некраси-
вое грубое лицо ее стало мертвенно бледно. Она несколько
раз глубоко вздохнула.

Зал затих.

– Никогда не говорила, а теперь скажу. Скажу. Меня все
равно уволили, терять нечего. Скажу, – так начала она.

Перевела дух, словно произнести эти несколько слов стои-
ло ей большого труда. Потом, вздохнув глубоко еще раз, про-

должала каким-то ненатуральным голосом. Казалось, слова беспокойной толпой теснятся в ее горле, и ей очень трудно выпускать их поочередно.

— Вот вы комсомольцы, так? А я тоже комсомолкой была! — здесь голос ее сорвался, она, что называется, дала пелуха. — А что толку в этом вашем комсомоле? Что?! Вот я в прошлом годе болела. Ни одной души ко мне не пришло! Ну пускай. Мне не надо. Я в декрет пошла. Муж бросил. Взяли меня в роддом. Лежу там и думаю. Вот у меня мальчик родился, а куда я с ним пойду? Получала шестьдесят рублей, уборщицей работала. Муж бросил... В суд на него подавать? Пока суд, пока что, его и не найдешь. А у меня мальчик на руках. Получка нескоро, у меня молоко пропадает, чем я мальчика буду кормить? Денег два рубля осталось, а занять не у кого...

В зале наступила полная тишина. Трудно было понять, куда женщина клонит, но она говорила с таким волнением, что нельзя было не слушать. Инструктор внимательно на нее смотрел. Лицо начальника СУ выражало крайнюю досаду. Прораб опустил глаза и что-то делал со своими руками. Бухгалтер слушал внимательно. Только лицо коменданта хранило прежнее неодобрительное выражение.

— ...Лежу я и думаю. А в окно вижу: трамвай ходит. Встала вечером, халат надела. Сестра говорит: куда! Оправиться, говорю, сейчас приду. А сама на улицу. Вышла, подошла к линии, стою, жду. Сейчас, думаю, трамвай пойдет, я перед

ним и лягу. А трамвая нет и нет, замерзла. И тут ко мне мужчина какой-то подошел. Ты, говорит, чего стоишь? Я знаю, чего ты стоишь. Под трамвай лечь хочешь. Взял он меня за руку и повел. К себе привел. Жена у него, детишки. Вот, говорит, напои, говорит, чаем, у нас на участке работает. Гляжу, и правда видела я его где-то. Убогий он, однорукий. Так мне этот мужчина помог, как никто в жизни не помогал.

Женщина передохнула, и голос ее набрал силу:

– А что вы тут вот собрались, комсомольцы, какой толк? – отчаянно выкрикнула она. – Выступаете, жалуетесь, а какой толк? Что было, то и останется. Как было, так и будет, поговорили-разошлись. Я вот правду говорила прорабу, меня и уволили. А теперь и из вас кое-кого уволят, увидите. Инструктор сейчас здесь, а завтра нет его – вот и говорите тогда с Иваном Петровичем. Правда, Иван Петрович? Вы все тут друг друга не любите, вот в чем дело! Вам, которые за столом, – лишь бы план выполнить, перед начальством своим отчитаться, чтоб не ругало. А вам, которые в зале, – лишь бы заработать побольше. Вот и весь сказ. А зачем зарабатывать вам? А? Для чего? Все о деньгах и о деньгах, а о человеке забыли. Сами об себе забыли вы, вот дело какое! Одно название – комсомольцы. А толку? Добра в вас нету ни в ком! Креста на вас нет, человека потеряли. И врете все...

Женщина хотела еще что-то сказать, но не стала. В полной тишине она сошла со сцены и села на свое место в зале.

– Ну, так вот, значит... – кашлянув, сказал инструктор

Кочин и встал.

Лицо его было растерянным.

– Кто еще хочет выступить? – спросил он. – Только я попрошу вас, товарищи, не отвлекаться от темы. Мы понимаем, что предыдущему товарищу тяжело. Горком будет ходатайствовать о ее восстановлении на работе...

– Не в этом же дело, эх! – с места сказала женщина.

– И в этом тоже, – возразил инструктор. – То, что несправедливо и незаконно, терпеть нельзя. Итак, товарищи, кто следующий? Вы в письме об общежитии писали. Воды горячей будто бы нет, это так? И дверь рано запирают...

– Так! Так! – закричали с мест.

Были еще выступавшие. Они говорили опять о нарядах, о дисциплине, о порядках в общежитии. Никто не вспомнил о женщине, которую уволили, но казалось теперь, что каждый что-то недоговаривает. В выступавших не было недостатка, но инструктору постоянно приходилось стучать по столу, призывая к порядку, к внимательности. На лице его тоже появилось досадливое выражение.

Соседка моя, по-видимому, так ничего и не записала в свой блокнот. Я тоже держал в руках тетрадь и карандаш, а потому она повернулась ко мне, как к сообщнику, и спросила вежливо:

– Вы не знаете, Штейнберг не приходил?

Я ответил, что не знаю, что сам опоздал и что понятия не имею, как выглядит Штейнберг в лицо. Хотя мне он тоже

вообще-то нужен — вспомнил тотчас о том, что говорил о Штейнберге Алик Амелин.

Собрание стало совсем скучным. Выступал теперь комендант общежития: фальцетом выкрикивал отрывистые фразы, лицо его по-прежнему ничего не выражало, кроме ненависти.

Дверь в зале опять отворилась, за ней показалась высокая фигура в темном пальто, с длинным белым шарфом. По тому, как соседка рванулась к этой фигуре, я понял, что это Штейнберг. Девушка со Штейнбергом скрылись за дверью. Спрятав в карман записную книжку и карандаш, я встал и вышел вслед за ними.

Девушка оказалась корреспонденткой телевидения. Дожидаюсь, пока они со Штейнбергом поговорят, я рассматривал блеклые плакаты на стенах.

Штейнберг, наконец, освободился, и я подошел к нему. На вид Штейнбергу было лет сорок пять — высокий, худой, с наметившейся лысиной, грубоватый. Договорились на послезавтра, на десять утра.

Приехав домой, я тотчас же лег и быстро уснул. И снилось, будто мы с Лорой сидим на моей тахте, а она опять жалобно спрашивает: «Только за апрель?» И я все стараюсь ее успокоить.

Среди ночи проснулся и долго не мог заснуть... Перебирал в памяти последнюю встречу... Что делать, как быть, что предпринять...

Утром не меньше получаса пролежал в кровати без сна. Да, нужно что-то немедленно решить, что-то обязательно предпринять – немедленно! – но никак не мог сообразить, что именно. Что сейчас самое важное? Голова разламывалась от неопределенности. Никакой ясности в мыслях!

Принялся вспоминать длинный вчерашний день. Утро, отъезд Лоры, потом съемка в детском саду. Алик Амелин, «Суд над равнодушием», стенограмма выступления Алика с цифрами ужасающими («Эти цифры ни в коем случае нельзя упоминать в очерке», предупредил Алик...). Наконец, собрание в СУ-91 – Кочин, девушки-работницы – «комсомольцы»! – выступавшая женщина, девушка с Телевидения и знакомство со Штейнбергом. Ну и денек!

А еще ведь повесть последняя, которую надо продолжать, а еще рассказ задуманный, но пока не начатый, а еще курсовая для института – сроки поджимают...

Ну и конечно опять Регина звонила. Она у меня третья по счету женщина, с ней все просто, кажется, но... Теперь, после Лоры, о ней как-то и вспоминать не хотелось. Да фактически мы ведь давно расстались...

Итак, что самое главное? – мучительно размышлял я, перебирая в памяти вчерашний день. Собрание в СУ-91? «Прецедент»? Да, да, кстати, один из снов, кажется, был как

раз о нем. Да... Ну, конечно! Тоже собрание, только вместо той девушки с телевидения рядом сидела Лора в своей серой шубке с капюшоном... И на трибуне тоже Лора была! Неужели?... Да, да... Везде Лора, сон такой... Только та, что сидела рядом со мной в зале, над той, что говорила с трибуны как-то странно посмеивалась, улыбалась криво... А потом... Да, потом пили с Лорой вино, и ставшая почему-то маленькой, как ребенок, Лора жалобно повторяла: «Только за апрель? Только за апрель, да?» Глупость какая-то.

Съемка вчерашняя в детском саду... Вот же оно, самое главное сегодня! Как же главное-то забыл! Пленки надо проявлять, фотокарточки печатать – денег совсем нет, а когда-то еще их воспитатели с родителей соберут...

Рывком соскочил с кровати и принялся делать гимнастику. Взял гантели...

Умылся по пояс, опять, конечно, забрызгав нещадно общественный пол в передней. Но вытер, тряпка, слава Богу, лежала. Крепко, до красна растер кожу полотенцем...

Так. Что же дальше? Проблема: звонить ли сегодня Лоре? Конечно, ужасно хотелось хотя бы услышать голос ее, но именно потому я и подумал: лучше все-таки не звонить! Вот если бы она сама позвонила... Ведь у нее есть телефон... А так подумает, что навязываюсь... Тем более после того, что...

А, ладно. К черту! За работу скорее...

Пленки получились хорошо. Проявив, закрепив, залив в

бачки чистую воду для промывки, принес бачки из кухни в комнату. Пока промываются, надо решить, что дальше.

Может быть, все-таки позвонить? – возвращалась и возвращалась мысль. Острое беспокойство возникло – ведь два дня не звонил! И – мало ли что... Нельзя упускать момент! И так она... Хотя...

Нет, глупости. Глупости! С ума схожу, что ли? Сама позвонит, если захочет. Не каждый же день. «КЛБ»!

За окнами солнце. Наконец-то! В нашем дворе среди двух белых снежных полей пролегла темная мокрая дорожка к подъезду. Снег тает... На карнизах, очевидно, сосульки, потому что мимо окон пролетают сверкающие на солнце капли. Апрель! Настоящая весна скоро...

Вывесил пленки для просушки, убрал все лишнее со стола. Сел на тахту. Она стоит далеко от окон, в темном углу комнаты, и машинально я пересел к окнам поближе. Вдруг? Ведь было когда-то. Вторая женщина моя, Рая, после того, как с ней впервые хорошо получилось, пришла без приглашения, на следующий же день! Понравилось ей, вот и...

Но не Лора. Да, не Лора. С ней пока что...

Встал, посмотрел, есть ли фотобумага в шкафчике. Есть. Достаточно. Химикалии для проявителя тоже. В магазин не нужно ехать, и то хорошо. Опять сел перед окном и вспомнил: сегодня среда! Значит, вчера был вторник и творческий семинар в институте, а я опять пропустил его! И даже не вспомнил! Впрочем, уважительная причина, даже две: съем-

ка в детском саду и Амелин...

Но курсовую надо дописывать все равно. И в повести кое-что подправить. И начать рассказ не мешало бы..

Власть и искусство – вот о чем мой рассказ... Художник... или писатель... или музыкант... изобретатель... поэт... Все равно кто. Важно, что создал он этакий шедевр. Выложил-ся, можно сказать, всю душу вложил. И не о деньгах, не о себе – о людях, о деле своем думал. Но он не мог предполагать, наивный, что тот, кто... От кого зависит дать ход этому шедевр или не дать – то есть Большое Лицо, – как раз в это время было не в духе. У него, допустим, фурункул назревал. Или насморк жестокий. Или понос хронический, мало ли... Или, наоборот запор... Или, допустим, ссора с женой на почве то ли «предметной», то ли «мировоззренческой»... «Предметная» – это значит, к примеру, вопрос: покупать или не покупать некий предмет – магнитофон, телевизор последнего выпуска, ковер, холодильник, сервиз, шубу, дачу, автомобиль... Мало ли! А «мировоззренческая» – это, допустим, книжка или передача по телику одному из супругов понравилась, а другому нет. Или статья в газете. Вот и ссорятся. Или, допустим, идти в гости к таким-то или не идти. Или – смотреть по телевизору либо хоккей-футбол, либо, наоборот, кино. Да мало ли причин может быть! Ну, хоть бы и просто не в духе – Лицо-то Большое, а значит имеет право! А тут, подумаешь, какой-то «шедевр», какого-то, понимаете ли, «творца»! Да пошел он со своим «шедевром» куда по-

дальше, не до него! То есть когда еле живой, выдохшийся художник, вложивший в шедевр всю свою душу, принес его на утверждение Большому Лицу – ну, или кто-то ему, Большому Лицу, на утверждение передал... То вот тут-то и прозвучал Колокол Судьбы: «Нет! – сказала Б. Л. – Хватит у нас шедевров, нечего! Пошел вон!». Правда, у Булгакова на эту тему есть – «Театральный роман». У Гоголя – «Шинель». У Чехова тоже что-то на эту тему. У Островского... Но это не важно. Новое время – новые песни. Хотя на самом деле, конечно, песни все те же... Только называются они по-другому. Одни и те же песни, потому что опять решает все Большое Лицо. И тогда решало, и теперь.

Зазвонил телефон в коридоре, и опять я вздрогнул. Кто-то из соседей очень быстро снял трубку. Ну же... Ну... Нет, не меня.

Во двор с улицы зашла девушка в шубке с капюшоном. Нет, конечно же, не она, увы. Не Лора.. А сердце заколотилось, бедное... Ну и зря.

Пленки скоро высохнут... Но сначала надо все же в столовую сходить, пообедать. Чтобы не отвлекаться потом.

Шагал по улице словно во сне. Солнце скрылось, пошел мелкий дождь со снегом. Хмурое, совсем хмурое небо опять, как будто солнца и не было.

Наша столовая называлась почему-то «Закусочная». Готовили плохо, невкусно, в зале всегда грязь и чад. Настроение паршивое, я шел и думал в который уж раз: ну что, спра-

шивается, мешает им в столовой делать свое дело по-человечески? Воруют – да, без этого у нас никак, это ясно. Но из того, что остается, все-таки можно же приготовить хотя бы чисто и аккуратно! И в помещении иногда убирать. Так почему же?

И первой реакцией, когда вошел, было – уйти немедленно. Есть то, что здесь дают и в таких условиях – унижение человеческого достоинства, как минимум. «Вторичный продукт», как написал потом, позже, писатель Владимир Войнович. Многократное унижение, потому что ты видишь одновременно, как унижают не только тебя, но и других рядом с тобой. А мы терпим. Жуем покорно.

Несколько раз я давал себе слово написать куда-нибудь жалобу. В газету какую-нибудь, что ли. И написал таки однажды аж чуть ли не в «Правду». Не в центральную, а в Московскую. Оттуда письмо переслали в районный трест, и – вот событие! – была комиссия! Мне даже официально ответили на фирменном бланке! Интересно, что на некоторое время действительно стало лучше и чище, хотя цены остались прежние. Но это длилось недолго. Тогда я написал снова. Потом еще раз и еще. Уже не помогало, и никаких ответов на письма не приходило. Как выразился один мой приятель: в «Закусочной» поняли, КОМУ нужно давать и СКОЛЬКО...

Но деваться некуда. Поблизости нет других столовых, а если и есть где-то на расстоянии, то такие же...

Я давился вонючим жидким борщом и с тихой грустью

размышлял о том, на что мы в большинстве своем тратим силы и время. А воров наших, между прочим, даже воровство не спасает. Воруют – а все равно живут в дерьме и ненависти ко всем и друг к другу. Неужели так трудно осознать, что если ты к другим относишься хамски, то и другие будут относиться к тебе точно так же. Дважды два – четыре...

В половине третьего, когда я уже мучился изжогой дома, пришел Антон со своим братом Гришей. Они зашли мимоходом: собирались второй раз смотреть новый американский фильм. Взяли билеты в кинотеатр, который поблизости, но до сеанса осталось какое-то время, вот и решили зайти ко мне – Антону нужно было позвонить.

– Тебе тоже фильм понравился? – спросил я Гришу, когда Антон вышел в коридор.

– Да, Олег, отличный фильм. Образы просто великолепные!

Это был популярный ковбойский фильм «Великолепная семерка». Вместо обычной постной жвачки мы, советские труженики, увидели решительных и благородных людей – мужчин, а не бесполох передовиков производства. Мне фильм очень нравился, как и Антону.

Не в первый раз я заметил, что стоило нам с Гришей остаться вдвоем без Антона, как выражение лица и даже осанка Гриши тотчас менялись. Он расслаблялся и становился естественней без своего старшего брата... И у него проявлялось ценное, редкое качество, которое отличало его от

Антон: в разговоре он слушал не только себя.

– Никак не дозвонюсь, – сказал Антон, входя.

– Кому ты звонишь? – спросил Гриша.

А у меня тотчас заняло сердце. У Антона, как всегда, был очень уверенный в себе вид, и я почему-то подумал, что...

– Одной девушке, – многозначительно ответил Антон и как-то странно взглянул на меня.

Неужели?...

Потом Антон с Гришей, продолжая, очевидно, начатый разговор, стали обсуждать очередной международный кризис – «Карибский». И, конечно же, затронули внутреннюю политику в стране... Ведь все мы тогда были в ожидании перемен. «Можно ли в газету завернуть слона? – спрашивалось в очередном анекдоте. – Можно. Если в газете печатается речь Хрущева». Действительно, новый Генсек многословно и темпераментно витийствовал на трибуне, и какие-то перемены уже наблюдались – выпущены были многие заключенные из лагерей; строилось гораздо больше, чем раньше, жилья; опубликован был «Иван Денисович» Солженицына; принимались некоторые вполне разумные постановления... Но хотелось больше, больше, быстрее...

Я, естественно, не сдержался, ввязался в разговор братьев. В последней речи Хрущева, кстати, было опять много о «тунеядцах».

– Охотятся за мелкими лентяями и жуликами вместо того, чтобы объявить настоящую войну крупным вора, – в серд-

цах сказал я. – Вместо того, чтобы по-настоящему взяться за дело, суетятся по-мелочи!

Антон насмешливо взглянул на меня и сказал с кривой улыбкой:

– Олег, Олег, он ведь не имел в виду именно тебя!

Это была какая-то дикая нелепость, и я сначала даже не понял, почему Антон так сказал.

– При чем же тут я, Антон? Ты что, считаешь меня тунеедцем? Или думаешь, что я боюсь? Идиоты! То им «буржуи» мешали, «контра», потом и вовсе «враги народа», а теперь – «тунеедцы»? Нашли виновных! Неужели не ясно, что все эти «кампании» – чушь собачья?! Я статьи буду об этом писать!

– Ты думаешь, их будут печатать? – серьезно и тихо спросил Гриша.

– Должны же наконец. А то ведь...

– Да брось, Олег, ладно, – сказал Антон. – Я пошутил. Ты зря кипятишься. Сейчас таких, как ты, не сажают. Есть более важные проблемы.

Опять – ему про одно, а он про другое. Когда они ушли, я чувствовал себя скверно. Что ему надо? Почему он так зол на меня? Ведь он думает о многом так же, как я. А все хорохорится и хорохорится. Зачем?

Была, однако, уже половина четвертого. Пора занавешивать одеялами окна и печатать фотокарточки... Я завесил и принялся за печать.

А вечером поехал к сестре.

Улица и какая-то определенная цель, когда не нужно ничего решать, а можно просто идти по знакомому, привычному маршруту, потом ехать в метро, сделать одну пересадку, опять ехать, выйти, идти по улице... – затем подняться на пятый этаж в знакомую квартиру... Смотреть на их лица – ее и ее мужа, с которым мы дружим, – говорить, не напрягаясь, смотреть телевизор с ними, зная, что ни сестра, ни ее муж, о том, что сейчас происходит со мной, не знают... Как-то произвольно и легко я спросил у Веры, важно ли для женщины, сколько было у мужчины других до нее, она сказала, что важно не это, а совсем другое – отношение важно, вот что... Ну, разумеется... Потом еще говорили о чем-то, смотрели по телику фильм...

Когда пришел домой, ко мне забежал Сашка, друг с первого этажа – увидел в окнах свет. Предложил два билета на завтра во Дворец Съездов на балет «Лебединое озеро» – купил, а сам пойти не может, дела в институте.

Чайковского я считал лучшим композитором всех времен и народов, балет этот видел раза два – одно время работал в Большом театре рабочим сцены...

Взял у Сашки билеты, и сердце замерло: вот и предлог, чтобы с Лорой...

На полу комнаты на больших листах бумаги были разложены для сушки детские фотографии, они уже высохли, я стал собирать... Дети улыбались, они ведь так хорошо мне позировали, их лица были веселые, ласковые, безмятеж-

ные... Особенно мне понравилась кареглазая черноволосая девчушка с куклой в руках – добрый и вполне уже женский взгляд. Кажется, ее звали Марина...

8

Голос Лоры по телефону был напряженный, чужой – на работе, понятно. Она переспросила, на что именно во Дворец Съездов, я ответил.

– «Лебединое озеро»? – переспросила почему-то с усмешкой.

– Да, – сказал я. – «Лебединое озеро», Чайковский.

Громко вздохнув, она сказала, что недавно они как раз на этот балет ходили. Организованно, всем отделом. У них был «культпоход».

Странный был тон, странная реакция. Я не знал, что сказать.

– Ну, что ж. Тогда пока, до свиданья, – только и мог выдать из себя.

– Пока, – ответила она и повесила трубку.

Звонил я из автомата, который был на лестничной клетке перед входом в помещение клуба «Романтик». Положил трубку – и тотчас же появился Штейнберг.

– Здравствуйте, – сказал я ему все еще в растерянности от звонка.

– Здравствуй, – бодро ответил Штейнберг. – Ты давно

ждешь?

– Нет, – сказал я. – Недавно. Где будем с вами говорить?

Мы со Штейнбергом вошли в одну из комнат клуба, по-видимому, читальню, на столах лежали газеты, журналы, за одним из столов сидела какая-то женщина – жена Штейнберга, как оказалось, – она нас ждала. Но начать разговор не пришлось: явились двое с телевидения, и Штейнберг просил подождать. Жена Штейнберга спрашивала меня о чем-то, я автоматически отвечал.

«Ну да, ну да, я не показал себя лихим, боевым мужчиной, но ведь... Что же она так сразу? И голос чужой... Разве у нас не было ничего? И эта ирония дурацкая – «культпоход»! Что происходит? Господи, что происходит...»

Наконец, Штейнберг вернулся.

Жаль, что нету машинки, сказал он, а то можно было бы сразу печатать, начисто. Он обдумал то, что хочет сказать, и можно за ним все записывать.

Я сказал, что пишу быстро, а уж обработать потом смогу, все будет в порядке. И раскрыл тетрадь.

Штейнберг походил, покашлял, потер руки – кисти у него были большие и красные, поросшие редкими длинными волосами... И начал:

– Надо научиться не ранить людей, а лечить. Воспитатели должны быть художниками. Как хирурги – рука крепкая, а пальцы нежные. Как сказал Хрущев. А то ведь бросил кто-то снежок на улице, а на него сразу кричат: «Хулиган!»

Штейнберг говорил медленно, следя за тем, чтобы я успевал записывать, и я писал слово в слово. И вскоре уже начал осознавать что пишу и опять – как в кабинете Амелина в первый вечер, – ощутил волнение.

Речь шла о парне, вернувшемся из колонии.

Парень этот, Витя Иванов, попал в колонию на несколько лет по чистой случайности, как сказал Штейнберг. Кто-то с кем-то подрался, что-то не поделили, все убежали, когда появилась милиция, а этот парнишка не убежал. На него и шишки. Отсидел год, вышел, а на работу нигде не берут – клеймо. Ходил, ходил неприкаянный, выпивать в какой-то компании начал, еще чуть-чуть и произошло бы непоправимое. Но однажды встретился случайно со Штейнбергом – зашел в Красный уголок ЖЭКа, где Штейнберг тогда воспитателем работал. «Все разговорчиками душеспасительными занимаетесь, ля-ля разводите, а толку? – так сказал Витя Иванов. – Нам не разговорчики нужны, а дело. Нам бы куда вечером пойти». Штейнбергу парень понравился, разговорились.

– Ты знаешь, – увлеченно продолжал Штейнберг теперь, – оказалось, что этот парень, Витя Иванов, много стихотворений наизусть знает, даже сам пишет! В колонии начал... Но только мрачные все стихотворения, пессимистические... Потом мы в другой раз с ним встретились. Вот тогда Витька и подал идею клуба. Такого клуба, куда каждый в любое время мог бы прийти без всяких пригласительных билетов,

не на «мероприятие», а просто так – посидеть, в шахматы поиграть, с ребятами потолковать, стихотворения почитать. Понимаешь?

– Еще бы! – с растущим волнением отвечал я.

У Штейнберга было знакомство в Горкоме, и, в конце концов, удалось клуб «пробить». Дали помещение в новом доме, Штейнберг стал директором клуба, а Витя Иванов членом правления. Удалось Виктора и на работу устроить. Стихи писать продолжает.

– Но теперь стихи у него светлые стали, оптимистические! – заключил Штейнберг свой рассказ и с улыбкой посмотрел на меня.

– Приходи к нам как-нибудь, – добавил он, энергично потирая свои волосатые руки, и лицо его сияло. – У нас очень интересно бывает. Дни рождения справляем, приглашаем интересных людей. Турниры проводим по шахматам, по пинг-понгу. К нам каждый может прийти!

Очерк! – думал я уже радостно. Вот же она, великолепная тема для очерка! Такой клуб не устоит долго, если он будет случайным явлением, но если повсюду! Если – в каждом районе и микрорайоне! Тут и поможет мой очерк. Вот настоящая тема! «Суд над равнодушием» тоже, конечно. Но и это! Поддержать, поддержать Штейнберга! Обязательно!

– Ты представляешь, как много мы могли бы сделать! – говорил Штейнберг тем временем, махая красными своими большими руками, и лицо его сияло. – Сколько таких непри-

кайанных парней и девчонок! Потому и преступления, верно? Ведь податься людям некуда, заняться по сути нечем, особенно молодым! Где пообщаться? Где друг с другом познакомиться? Потому и пьют, хулиганят, потому изнасилования и все такое. Знаешь, какие у нас ребята отличные! Обязательно приходи как-нибудь... Твоя статья как раз и могла бы... Про Витю Иванова напиши обязательно! Клуб – его идея. «Клуб Витьки Иванова»! Звучит, а?!

Я совсем ожил. Вот она, жизнь, и вот настоящее дело! Штейнберг – живой, настоящий, надо же! А Лора... Да бог с ней, в конце-то концов! Я же сам виноват, она права! Вялый, закомплексованный, неумелый... Учиться надо всему – и этому тоже! Она права. И очерк настоящий, боевой очерк написать надо, и – чтоб напечатали! Тогда и с Лорой все будет хорошо, это же естественно! Подумаешь, не согласилась на «Лебединое озеро»! Ну и что? Все впереди.

Возбужденный, радостный, я звонил Алексееву из автомата.

– Слушает Алексеев, – деловито ответила трубка.

– Иван Кузьмич, это Олег Серов, здравствуйте! Иван Кузьмич, я отличную тему нашел, просто великолепную!

– Да? – с каким-то странным спокойствием и настороженностью спросил Алексеев. – Ну, что же, скажи в двух словах, какая такая тема.

Волнуясь, торопясь, я начал рассказывать.

– Погоди, погоди, Олежек, не увлекайся, – перебил Алек-

сеев очень скоро. – Ты не торопись. Сначала вот что скажи. Сколько лет твоему оболтусу?

– Что значит «оболтусу»? – недоуменно спросил я.

– Ну, этому... Вите Иванову.

– Вите Иванову? Сколько лет? – я растерялся. – Какая разница... Ну, сейчас лет двадцать с небольшим, я так понял. А что? Ведь он в колонии был.

– Стоп, – сказал Алексеев. – Не торопись, Олежек, не торопись. Двадцать с небольшим – это много, это не то, Олежек, должен тебя огорчить. Нам о несовершеннолетних нужно, я же тебе сказал! *О несовершеннолетних* сейчас! Только о них! Ты понял? *О несовершеннолетних*! Такая задача. Вот если бы твоему Вите было...

– Подождите, Иван Кузьмич, что-то не понимаю. – Недоумение мое росло. – Причем тут возраст Вити сейчас? Во-первых, тогда, попав в колонию, он как раз и был несовершеннолетний. И потом ведь речь вообще о преступности подростков, так? Проблемный очерк, вы говорили. О причинах и чтобы не было, верно? Вот и получается, что если будут такие клубы, то...

– Стоп, Олежек. Стоп-стоп! Возраст как раз причем, возраст – самое главное! Возраст *теперь*, ты понял? Клуб клубом, но нам о сегодняшних несовершеннолетних нужно, понимаешь! Рубрика у нас такая. Руб-ри-ка в журнале! Преступность несовершеннолетних ребят. Поэтому я и...

Он замолчал.

А я разозлился. Глухая, мучительная досада поднялась вдруг. Он что, дурак, Алексеев? Ведь причины важны, причины! Причем тут рубрика? Что за бред, формализм какой-то...

— Ну, ты чего замолк? — спокойно спросил зав отделом журнала, и я уловил в голосе Алексеева новые нотки. Успокаивающие. Да, Алексеев меня словно бы успокаивал. Этак как бы даже и по-отцовски.

Меня это еще больше взбесило.

— А как... Как вообще нужно написать, Иван Кузьмич? — спросил я все же хрипло, едва сдерживаясь. Машинально посмотрел в стекло телефонной будки, ища почему-то Штейнберга. Не увидел его и ощутил облегчение. Было бы перед ним стыдно...

— Надо написать так, чтобы очерк твой стал событием, — говорил тем временем Алексеев опять по-отечески. — Чтобы все вокруг спрашивали: кто такой этот талантливый журналист Олег Серов? Я от тебя, Олежек, хорошего очерка жду, настоящего. Проблемного. О несовершеннолетних. Понял? *О несовершеннолетних!* Ты же талантливый человек, ты можешь, я в тебя верю. Ты не разбрасывайся, ты найди подходящую, нужную тему, ударную, и выстрели, как надо. Проблемный, о несовершеннолетних, запомни. Стрелять надо точно в цель.

«Он что, издевается?» — мелькнула вялая мысль.

«Выстрели»... Почему он сказал «выстрели»? — вертелось

и вертелось в голове. Причем тут «выстрели»?...

9

Опять голова шла кругом... Вот уж от Алексеева-то не ожидал!

При чем сегодняшний возраст Вити Иванова? Что за формальность глупая? Разве клуб не есть одно из самых лучших средств, чтобы ребят занять, чтобы отвлечь от дури, дать им то, чего как раз им не хватает? Это же просто находка!

Но по тону Алексеева, по уверенным его словам мне стало ясно: очерк такой «не пройдет». И причем тут это – «чтобы все вокруг говорили», – думал я с раздражением. За кого он меня принимает?

...Для гимнастики йогов нужно постелить на пол два больших листа толстой бумаги – они же идут под сушку фотографий, – а на них сложенное вчетверо одеяло. Предварительно я проветриваю комнату, но потом закрываю окно – во время расслабления легко простудиться...

Без обычной спортивной гимнастики утром и гимнастики йогов днем я бы не выжил, точно. Ведь в детстве много болел, наследственность ни к черту, мать умерла от туберкулеза в 31 год, отец в 45 лет был инвалидом 2-й группы. Если бы не гимнастика, не поездки «на природу» со школьных лет, не лыжи, велосипед, гантели и эта гимнастика йогов...

«Внимайте песне жизни!» – вот одна из истин, о кото-

рой однажды я прочитал в хорошей книге. Но я следовал ей неосознанно с ранней юности, руководствуясь собственными представлениями и ощущениями – вот что интересно! Со всех сторон мне пытались навязать «установки» и «правила», следуя которым все равно никто не достигал ни счастья, ни гармонии друг с другом и с миром. Потому я им и не верил. Они все равно упорно твердили все то же и пытались заставить друг друга этому следовать, хотя никому из них это не помогало. Я же видел! Слава Богу, я старался поступать по-своему...

...Спокойный, собранный, встаю на одеяло, выпрямляюсь, складываю на груди руки ладонь к ладони. Грудная клетка поднята, живот подтянут, дыхание спокойное и глубокое. Вдох начинается в нижней части легких, потом идет выше, доходит до верха, и – задержка на несколько секунд. Выдох – в обратном порядке. Голова чуть кружится, и слегка темнеет в глазах, но только сначала. Потом, наоборот, в голове проясняется, а в теле постепенно появляется легкость.

Это первое, предварительное упражнение. За ним плавно следуют остальные, и в мышцах начинает звучать сладкая музыка. Музыка Бытия... «Внимайте песне жизни»...

Наконец, «березка» – стойка на верхней части спины и на шее. Руки поддерживают спину, ноги вытянуты, устремлены вверх. Гимнастику я делаю, как правило, голым, и теперь вижу свой живот, ноги и... То самое – мягкое, беззащитное, сейчас съежившееся в круглый комок с вялым от-

ростком, свисающее недалеко от моего лица... Странно, что в гармоничном мужском теле, состоящем из костей, мышц, как-то неожиданно явлен этот совершенно беззащитный комок плоти, несущий, кстати, в себе не что-нибудь, а – новое жизненное начало. И столько переживаний связано с ним, и я с симпатией и уважением смотрю сейчас на него...

Сладость разливается по всему телу. И вот уже из нежной дырочки на конце набухшей головки выступает совершенно прозрачная, кристально чистая капля. Смазка... Понятно, что сейчас она ни к чему, но появление ее – признак здоровья, как я считаю.

Я полюбил свое тело. Мне удалось натренировать и воспитать его так, что приятно смотреть самому. А в детстве, как уже сказано, много болел, и в юности перенес две операции...

Наше тело – великий подарок природы-матери, это чудо, совершеннейший инструмент. Мир прекрасен, разнообразен, богат, в нем есть все, что нужно для нашего существования, для нашей радости и того ощущения полноты и гармонии, которое мы называем счастьем. Все зависит от нас. От того, можем ли мы услышать Песню Жизни. И – слиться с нею. Болезни нашего тела – порождение несовершенства сознания и души. Главное – преодолевать его, учиться... Так я считал и считаю. Поэтому и...

Последнее упражнение – «Полет чайки». Я лежу совершенно расслабленным на спине. Тело мое – кисель... Закрыв

глаза, представляю себя чайкой. Реющей над морем в солнечном голубом просторе... И мягкий теплый ветер ласкает кожу...

Что знаем мы о таинстве жизни? ПОЧЕМУ и ЗАЧЕМ происходит соединение двух микроскопических клеток, которые определяют свойства будущего сложнейшего организма? И почему, соединяясь в любви, мы испытываем столь великие, могучие чувства? Величайшая из загадок! Вот и Лора. Почему так подействовало на меня знакомство с ней? Женщина, великая тайна! Волшебная магия...

После гимнастики я сидел перед увеличителем при красном свете и спокойно печатал.

Но прозвучали два звонка в коридоре – это ко мне. Антон. В мой красный мир с белыми вспышками увеличителя и тихо смеющимися детскими лицами, возникающими на розовом фоне бумаги под проявителем, ворвалось нечто извне, из огромного застенного мира, и очарование неспешной, приятной работы исчезло.

Пришлось прерваться. Антон в очередной раз попросил остаться ночевать у меня. Дружба есть дружба, ничего не поделаешь. Допечатаю завтра.

Мы пили чай, потом ложились – я на своей тахте, Антон, как обычно, на раскладушке. Я не удержался, спросил все же о Лоре. Хотелось в конце концов что-то понять...

– Она дрянь, Олег, самая обыкновенная дрянь, – зевнув, спокойно сказал Антон. – Потаскуха и хищница, к тому же.

Выгоду ищет во всем. А сейчас мужа себе ищет. С прежним развелась, вроде бы, и нового ищет. Вот и все. Вся ее суть. Так что ты зря, ей-богу.

Он помолчал, поворочался на раскладушке и продолжал:
– Ну что ты к ней привязался? Зачем она тебе? И зачем ты ей, подумай! Красивая развратная хищница, только и всего. И довольно дешевая, ко всему прочему. Ну что ты мог увидеть в ней такого уж человеческого? Вот грудь у нее отличная, что да, то да, но она ей дана, между прочим, чтобы детей кормить! А она ее как использует?

– Слушай, – разозлился я. – Понимаю, что ты вообще-то шутишь. И все же. Как же ты можешь так... Ты хоть глаза-то ее видел?

– Да видел я ее глаза, видел, – сладко зевая, сказал Антон. – Голубые, с ресницами крашеными. Так накрашенными, что сыпется.

Он опять зевнул и заворочался, лег поудобнее.

– Знаешь, я внимательно тебя слушаю, пытаюсь понять, – продолжал устало. – Мне жаль тебя, если честно. По крайней мере все, что я о ней знаю, все говорит против. Самая обычная блядь, вот и все. Ну, красивая, да. Так тем хуже. Ты ее защищаешь почему-то, а перед кем? И зачем? Нравится тебе – ну и давай звони, встречайся, трахайся, если получится. Ради Бога! Зачем философию-то разводишь? Ей-богу, ты странный какой-то.

А я и сам не знал, зачем ему говорю все это. Не мог оста-

новиться, и все. И почему-то очень важно мне было, чтобы Антон согласился. За что он так на нее? Чем она перед ним провинилась?

И – черт меня дернул! – я сказал, что Лора была у меня, и мы были близки. Я сказал это, ни в какой мере не хвастаясь, а для того, чтобы оправдать, реабилитировать ее, что ли. Ведь это противоречит словам Антона! Какой расчет ей был приходить ко мне, если она такая хищница, как он считает, что с меня взять? А она пришла. Тут ведь только искренность ее, только истинная эмоция, бескорыстие! Это чистый, нравственный поступок, я считаю, потому что она ведь ничего материального не имела и не могла иметь от меня, это же ясно! Разве не так?

– Только ты не говори ни ей, ни Косте, что я тебе рассказывал, хорошо?

Но произошло странное: Антон мне не поверил! Он сказал, что не может мне, конечно, не верить, но вообще-то, исходя из того, что он о ней знает, она не должна была так поступить – прийти просто так, да еще ко мне, в эту убогую комнату.

– Кто ты такой для нее, чтобы прийти к тебе запросто и бесплатно? Ты ведь и в ресторан ее не водил, так ведь?

– Так.

– Я не могу тебе, конечно, не верить, раз ты утверждаешь, но... Ну не могла она просто так к тебе прийти, не могла!

У меня не было слов.

— А впрочем... — продолжал все же он. — Да, впрочем, почему бы и нет? Она развратная сучка, почему бы и еще с одним не потрахаться? — продолжал он уже спокойнее. — И потом у тебя комната все-таки. Хотя бы и такая. Вдруг пригодится? И ты вроде бы в институте учишься, писатель будущий — она же знает. Вдруг...

Он помолчал, а потом продолжил уже совсем спокойно и опять громко зевнув:

— Да, у Кости, кажется, тоже с ней что-то было, он говорил. А мне... А мне, если честно, не очень-то и хотелось. Добиться ее элементарно, это же ясно! Да, кстати, совсем забыл! Мы как-то на днях с ней целовались в кабинете, пока никого не было. Еще как целовались... И я уверен: если бы были условия...

Мне стало противно. Не хотелось больше говорить. Но и ссориться не хотелось. Честно говоря, стало почему-то жалко его.

10

Просторный светлый холл, кожаные мягкие кресла, полированные журнальные столики. Здание редакции, шестой этаж. Алексеев сам позвонил мне домой и сказал, чтобы я приехал. У него, будто бы, материал какой-то в гранках, мне полезно будет посмотреть. Радость вспыхнула, когда я услышал о «гранках» (мой прежний очерк?...), но тут же погасла.

Нет, не мой, это ясно, а то бы он так и сказал. Хотя... Вдруг?
Поехал.

В кабинете Алексеева не было, и я ожидал в холле.

Солнце сияло в огромное – от пола до потолка – окно, по коридору проносились молоденькие литсотрудницы и секретарши, пахло мастикой от недавно натертых полов и духами.

«Ну неужели, неужели то, что написано у меня, хуже, чем то, что печатается в этом журнале? – мучительно размышлял я. – Ведь серость печатается, конъюнктура. И Алексеев сам это признавал... В чем же дело?»

По твердому, энергичному стуку шагов понял: приближается Алексеев. Да, стремительной, спортивной походкой направлялся к своему кабинету он. Бородатый, крепкий, кражистый, уверенный в себе редактор и заведомом.

– Интересный материал, тебе полезно будет посмотреть, – сказал Алексеев бодро, как всегда. – Я хочу знать твое мнение.

Быстро и крепко он пожал мне руку (я тотчас вспомнил, что Алексеев занимается альпинизмом и ходит в бассейн, и в который раз подумал: а не мешает ли ему борода плавать?), пропустил вперед себя в кабинет, пригласил садиться, сел сам, достал из ящика стола несколько сколотых желтоватых листиков и протянул мне.

– На, почитай. Это – на уровне. Немного болтливо, правда, но – на уровне. В таком духе и ты что-нибудь можешь. Твоя тема. Сиди, читай, я выйду пока по делу. Через десять

минут приду.

Гранки. Впервые в жизни я держал в руках гранки. Как мечтал увидеть наконец СВОИ гранки! Несбывшаяся пока мечта отозвалась тупой привычной болью.

Начал читать. «Трое с улицы Гарибальди» – так назывался очерк. Улица Гарибальди? Что-то знакомое. Так и есть! Это был очерк о «Суде над равнодушием», стенограмму которого я читал в Горкоме у Алика.

Сначала шло описание обстановки суда – как все выглядело и кто где сидел. Потом – часть речи общественного обвинителя, секретаря райкома комсомола. Внимание остановило такое место: «Партия и правительство делают все, комсомол помогает им. В нашей стране давно ликвидирована сама основа преступности...» Ничего себе... Дальше шло что-то совсем уж невразумительное, а в конце так: «Я шла домой и думала: как же все-таки они дошли до жизни такой? Ведь улица, на которой живут эти ребята, названа именем великого сына итальянского народа Джузеппе Гарибальди!»

Конечно, концовку можно было истолковать по-разному, и все же... Дочитав, я подумал: может быть, здесь не все листки? Нет, судя по нумерации, листки были все. И внешняя связность была. Но дело в том, что общее ощущение от очерка оставалось ужасное. В очерке была явная ложь – это во-первых. Холуйство перед властями – во-вторых. И невнятица – в-третьих. С одной стороны выходило, что падение трех парней произошло совершенно случайно – автор ведь

столько раз уверяла, что такое для нашей страны нетипично, что в наших советских условиях жизни такого никак не должно, а, следовательно, и не может быть, потому что «ликвидирована основа». Но с другой стороны это было, и сам факт суда говорит о целом явлении. И выходит, что уверения автора противоречат тому, что автор описывает. Удивительный какой-то переворот, лента Мёбиуса. За дураков считает она читателей, что ли? Концовка тоже читалась по-разному. С одной стороны действительно: как же так получилось, что люди, живущие на улице, носящей имя великого итальянского революционера, боровшегося, как мы знаем, за справедливость, свободу и равенство всех людей, воспитали своих детей так, что те, начав с мелких краж, пришли к тому, что стали приставать с ножом к женщинам... Но с другой стороны: «Как вы дошли до жизни такой!» – обращение не к подсудимым «Суда», то есть взрослым, а к самим ребятам, которые, по идее «Суда», были не подсудимыми, а – пострадавшими! Самое неприятное было то, что второй смысл, вопреки названию «Суда» и его идее, прочитывался в очерке гораздо последовательнее. И еще: Гарибальди, как известно, боролся против властей, а автор очерка власти безоговорочно защищала...

Я пробежал текст еще раз – может, чего-то не понял? Нет, все именно так. И опять возникло мерзкое ощущение неуверенности в себе. Может быть, я действительно чего-то не понимаю в жизни? Ведь Алексеев хвалит «этот материал». Это

может показаться странным кому-то, но тут же и вспомнилась та наша ночь с Антоном и Лорой и вообще отношение к Лоре Антона... Может быть, я и правда не от мира сего?

Ведь то, что читал – и что рекомендовал сам Алексеев! – не просто отличалось от того, что думаю я. Фактически это – противоположное! Дурь, непоследовательность, лживость, холуйство перед властями. Да еще и с пафосом! И Гарибальди приплела сюда же, ну и ну.

И опять, как после разговора с Лорой по телефону насчет «Лебединого озера» и с Алексеевым по поводу Штейнберга, и с Антоном потом о Лоре, мне захотелось себя ущипнуть – сплю или не сплю?

Вошел Алексеев.

– Ну? Прочитал? Как тебе?

А у меня, бедного, сердце болело опять и в висках стучало вовсю. Неужели и от меня он ждет такого?

– Я знаю этот материал, читал в Горкоме, – выговорил я хрипло, сдерживаясь изо всех сил. – Интересный был суд...

Сдерживался, сдерживался изо всех сил – понимал, что если начну, то не остановлюсь, это уж точно, и все наши отношения с Алексеевым разлетятся тут же, и ни о каком моем очерке...

– Ну вот, видишь! – обрадовался заведомо, не поняв и абсолютно и по-своему расценив мою реакцию.

И посмотрел на меня ободряюще.

– Я же говорю, на уровне, – продолжал он быстро, убеж-

дая как будто бы самого себя и торопясь, явно думая сейчас о чем-то другом. – Этот материал редколлегией уже фактически одобрен. Вот и ты напиши что-нибудь в таком же духе. Идет? Ты ведь еще лучше написать сможешь, я в тебя верю! Давай, давай. Найди конкретную тему и напиши. И поторопись, я жду. Договорились?

Он деловито протянул мне руку.

А у меня ком стоял в горле. Это после я все происшедшее окончательно понял, а в тот момент не мог осознать четко и выразить. Алексеев все-таки не такой дурак и холуй, и если бы я объяснил ему связно, он, может быть, даже и понял. Но в тот момент я Алексеева просто-напросто ненавидел...

И машинально и молча я пожал его руку. Кажется, даже не сказал «до свиданья», а просто вышел.

Не в первый раз в те свои «исторические» дни я ощущал, что мое лицо сковало. «Спортсмен, альпинист, – думал я как-то механически, шагая по коридору. – Пловец с бородой! Как же вы можете... Зачем же вам бодрость, если...»

Хорошенькая стройная девушка в мини чуть не столкнулась со мной в коридоре, кокетливо ойкнула. Просторный холл был по-прежнему залит солнцем. Опять был по-настоящему весенний апрельский день. На деревьях бульвара радостно щебетали птицы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.